

Литературный конкурс
«Любовь между строк»

Победитель

Литрес

Моя
лучшая
ошибка
ДАРЬЯ ПРОКОПЬЕВА

Дарья Прокопьева

Моя лучшая ошибка

«Автор»

2023

Прокопьева Д.

Моя лучшая ошибка / Д. Прокопьева — «Автор», 2023

Юная мисс Имельда Браун точно знала, что в будущем её ждёт прекрасный принц. У него даже было имя - Дерек Лонгсдейл, будущий барон Гастингс. Имельда была помолвлена с ним с самого раннего возраста, и свадьба была уже не за горами, когда, как гром среди ясного неба, грянула новость: оказалось, жених и невеста астрологически несовместимы! В любом другом мире сказали бы, что это - чепуха, но не здесь. В мире Имельды астрологический прогноз мог стать поводом для войны, чего уж говорить о расторжении помолвки! Но наша героиня тоже не лыком шита. Решив взять дело в свои руки, она вслед за женихом отправилась в Бирмингемскую академию алхимии и астрологии. С двумя целями: найти лазейку в толковании натальных карт и наконец-то познакомиться с женихом. Ой, мы не говорили, что они ни разу не виделись?!

© Прокопьева Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая, в которой звёзды начинают говорить то, что никто не желает слышать	5
Глава вторая, в которой сталкиваются принципиально разные точки зрения на высшее образование	12
Глава третья, в которой встреча с прекрасным принцем откладывается на неопределённый срок	18
Глава четвёртая, в которой мисс Имельда Браун совершает судьбоносную ошибку	25
Глава пятая, в которой милостивая леди даёт первый ценный урок неблагодарному чурбану	31
Глава шестая, в которой ночное приключение оборачивается нешуточной опасностью	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дарья Прокопьева

Моя лучшая ошибка

Глава первая, в которой звёзды начинают говорить то, что никто не желает слышать

Головная боль может мгновенно развиться всего от трёх звуков: скрежет мела по классной доске, скрип стекла под острым ножом и визгливый голос почтенной миссис Браун, во вдовстве графини, а нынче жены промышленника и... ну, да, моей матери.

– Имельда! – крик этот мигом заставил меня ощутить мигрень – явление не такое уж плохое, если с его помощью можно скрыться от неприятной обязанности сопровождать маменьку на её еженедельную встречу с домашним астрологом. К сожалению, именно эти встречи были тем, от чего отвертеться нельзя.

– Да, мама? – я захлопнула книгу и выпрямилась на диване, в котором секунду ранее блаженно утопала.

– Где ты? – послышалось в ответ нервное. – Ты должна была прийти в гостиную десять минут назад!

Я бросила быстрый взгляд на часы на каминной полке и была неприятно удивлена: маменька оказалась права. Похоже, увлечённая похождениями мистера Холмса, я и впрямь потеряла счёт времени – преступление в этом доме непростительное.

Памятуя о наказании в виде долгих и невероятно нудных нотаций, я поспешила подняться и отправиться в вышеупомянутую гостиную – не забыв, впрочем, предварительно припрятать книжку за диванными подушками. Не то чтобы чтение в нашем доме не поощрялось, но это должно было быть *правильное чтение*, сиречь одобренное нашей досточтимой хозяйкой. Маменька же моя искренне верила, что детективы – ненадлежащее увлечение для благородной девы, каковой я, по её мнению, являлась.

– Где ты пропадала? – с подозрением зыркнула она в мою сторону, стоило мне переступить порог голубой гостиной.

Комната была диво как хороша по утрам. Солнце ярко освещало каждый её уголок так, что стены приобретали цвет ясного неба, а воздух словно бы становился свежее и легче. Оттого так грустно было созерцать, что в угоду нашему астрологу, не чуравшемуся театральных приёмчиков, шторы в гостиной плотно задёрнули, и вместо того, чтобы воспользоваться естественным освещением, поставили на кругленький столик и зажгли архаичные свечи.

– Не удивлюсь, если снова читала свою... *беллетристику*, – не дождавшись ответа, маменька сделала отвратительное в своей меткости предположение. – Сколько раз тебе говорить...

Этот спор она заводила раз в две недели, как по расписанию, но каждый раз он заканчивался одинаково. Я во многом готова была уступить маменьке, но только не в вопросе собственных увлечений. Променять рассказы о приключениях на считавшуюся более уместной поэзию? Ни за что!

Вот и сейчас, обменявшись парой реплик, мы пришли всё к тому же: маменька в очередной раз милостиво разрешила мне читать «эти ужасные истории», ограничившись при этом лишь моей комнатой. На самом деле её волновало не столько моё образование или душевное спокойствие (одним из аргументов, к которому она прибегала в своей борьбе против детективов, было пугающее количество убийств на их страницах), сколько страшный зверь под назва-

нием «общественное мнение». Я могла читать что угодно, вплоть до маркиза де Сада – но лишь до тех пор, пока легкомысленное или постыдное чтение моё не замечала одна из маменькиных подруг. К моей чести, сказать, я неплохо справлялась, строя из себя ту самую благородную деву и нежную леди. Или, наоборот, это леди должна быть благородной, а дева – нежной? Чёрт это ваше общество разберёт...

– Миледи, – дверь открылась, впуская внутрь Гарольдсона, дворецкого. – Господин де ла Луна прибыл.

Я была уверена, что эта фамилия вымышленная. Маменька, скорее всего, тоже, хотя яро это отрицала. Она вообще часто защищала своего астролога и прощала ему даже то, что не готова была простить родной дочери. Вот, к примеру:

– Прошу простить моё опоздание, миледи Браун, – в дверях появился маленький человек, в котором только и было примечательного, что выдуманная фамилия и поразительная лысина, и впрямь навевавшая мысль о сверкающей в ночном небе Луне.

– Ничего страшного, – маменька мягко, благостно улыбнулась. – Уверена, вас задержали исключительно важные дела.

В случае с де ла Луной важными считались любые дела: даже если он опоздал, прикорнув на диванчике, маменька нашла бы этому оправдание.

– М-да, безусловно, – ухватившись за предложенную причину, покивал меж тем наш астролог. – Так могу ли я?..

Конечно, он мог войти, и прекрасно об этом знал. Такая подобострастность и вежливость была частью игры, призванной потешить самолюбие моей маменьки. Вы заметили, что все называли её миледи? Формально, она была скорее миссис, но ей нравилось, когда окружающие помнили о её прошлых титулах. Поэтому, например, на всяческих приёмах её до сих пор представляли сначала как вдову графа, а потом уже как супругу Горация Брауна, владевшего третью сталелитейных заводов Старого Света. В старине Брауне маменька ценила не имя, а деньги.

– Присаживайтесь, мистер де ла Луна.

Астролог послушно просеменил к столу, запросто находя путь даже в царившем в комнате полумраке. В прошлом он уже столько раз натыкался на комоды и кресла и спотыкался о слегка загнутый край ковра, что теперь смог бы пройти к нашему столику, даже если бы глаза ему завязали непроницаемой чёрной материей.

– Не хотите ли чаю?

Ещё один ритуал. Все собравшиеся за столом прекрасно понимали, для чего господин де ла Луна явился к нам в дом, но при этом старательно откладывали самое важное. Мы пили чай, беседовали о погоде, обсуждали последние новости и даже качество свечей, которые за время этого бессмысленного разговора успевали прогореть практически наполовину – и всё это прежде, чем подойти к главной теме. К будущему, которое нас ждало.

– Надеюсь, звёзды сулят нам больше приятного, чем газеты, – спустя маленькую вечность рассмеялась маменька, откинувшись к изогнутой спинке кресла.

Это был знак. Я оборвала зевок, который тщетно пыталась скрыть за чашечкой чая. Де ла Луна выпрямился, готовый вершить судьбы мира – если бы, конечно, это делал он, а не звёзды. Маменька же, на вид расслабленная, внутренне подобралась: её выдавали пальцы, сжавшиеся на подлокотнике, и внимательный прищур. Так во время приёмов она выглядывала наиболее влиятельных леди, с которыми до конца вечера обязательно нужно было перемолвиться хоть парой слов.

– В прошлый раз вы спрашивали меня о грядущем славном событии в вашей семье... – де ла Луна начал издали. – Должен порадовать вас: звёзды не видят ничего, что могло бы нарушить ваши планы относительно этого, безусловно, прекрасного союза.

Он имел в виду мою свадьбу. Вы можете удивиться тому, с каким спокойствием я об этом пишу, но объяснение просто: об этой свадьбе я знаю уже... двенадцать, тринадцать лет?

В общем, мне о ней рассказали сразу же после того, как я научилась читать и смогла понять «Золушку» и «Белоснежку». Маменька удачно подгадала момент: после сказок я как раз мечтала о собственном прекрасном принце, и она очень вовремя мне его подсунула. Не принца, правда, а будущего барона, но для дочери почившего графа и его быстро выскочившей за какого-то нувориша жёнушки – самое то.

Мои нежные чувства к этому прекрасному юноше немного омрачало то, что мы ни разу не встречались, но для договорных браков это было нормальной практикой. Сейчас мне это кажется даже отличной идеей: а что, если будущий барон Гастингс в двенадцать лет ковырялся в носу, и я стала бы тому живой свидетельницей? Пропала бы вся любовь!

Для поддержания огня в сердце мне было вполне достаточно портретов возлюбленного, которые мне доставляли каждый год в мае – спустя месяц после его очередного дня рождения. Конечно, это были не огромные картины, позволявшие разглядеть будущего барона во всех деталях, а очаровательные миниатюры размером с карманные часы, но писали их с приятной дотошностью. По крайней мере, я на аналогичных миниатюрах получалась почти такой же, как в жизни, и даже чуточку более хорошенькой.

Юный барон (давайте для простоты называть его так) тоже отличался приятной наружностью – и чем старше он становился, тем приятнее она была. В момент этого самого разговора с астрологом в моей спальне на втором этаже на письменном столе лежал портрет прекрасного юноши: волевой подбородок, горящий взгляд тёмных глаз, галантная и даже чуточку соблазнительная улыбка – всё было при нём. Да простят мне попытку заглянуть вперёд звёзд, но у нас должны были получиться прекрасные дети!

Да, вы не ошиблись. Должны *были*.

– Однако есть одно обстоятельство, – голос астролога стал более вкрадчивым, в нём появились подозрительные, извиняющиеся нотки. – М-да, есть одно обстоятельство, на которое я обязан обратить ваше внимание.

– Какое же? – прищур маменьки из внимательного стал недобрим.

– Видите ли, до недавнего времени я не знал дату рождения молодого человека, избранника вашей дочери. Узнав же, позволил себе составить не только прогноз относительно даты грядущей свадьбы, но и, если так можно выразиться, гороскоп совместимости...

О, нет. Не нужно было читать по звёздам, чтобы понять, что он скажет дальше. Когда собираются озвучить хорошие новости, так не мнутя, не правда ли?

– Боюсь, гороскоп этот неутешительный, – де ла Луна скорбно склонил голову, и его блестящая лысина уставилась прямо на маменьку. – Ваша дочь... мисс Имельда совершенно несовместима со своим избранником.

Я быстро посмотрела на маменьку. Она сидела недвижимая, только губы сжались в неприятную тонкую ниточку. Даже сейчас она безупречно держала лицо.

Мне, как расстроенной невесте, держать лицо было необязательно.

– И что это значит? – повернулась я к астрологу. – Нам не суждено быть вместе? Помолвку нужно расторгнуть? Что?..

– Имельда, – маменька предупреждающе подняла руку, заставив меня умолкнуть, но затем всё же поощрительно кивнула де ла Луне: что ж, говори.

Тот был только рад ответить «Нет».

– Как я уже говорил, свадьбе ничего не препятствует, и, о, это будет прекрасная свадьба! Уверен, мастерство вашей матушки в организации подобных приёмов и тут её не подведёт – об этой свадьбе будут говорить месяцами, а то и годами! – астролог заискивающе улыбнулся маменьке. – Дело не в юридических тонкостях, а только в чувствах. Боюсь, любви между вами не будет. Но в высшем обществе браки по любви и так редкость, так что это не должно стать проблемой...

«Как это не должно?!» – не сказала, но подумала я.

– Вы, безусловно, правы, мой дорогой господин де ла Луна, – проговорила маменька, не обращая внимания на читаемое на моём лице возмущение. – Любовь в наших кругах есть непозволительная роскошь. Или ненужная слабость, как сказал бы мой покойный супруг-граф.

– Его мудрости молодым людям стоило бы только поучиться.

– Действительно, действительно. Некоторые сейчас и впрямь придают чувствам больше внимания, чем следовало бы. Я склонна винить в этом влияние Китса и иже с ним, которому подверглось моё поколение. Страшно сказать, но даже я в нежном возрасте едва не поддалась всем этим разговорам о чувствах и чувствительности...

– Уверен, вы были умны не по годам и вовремя распознали эту заразу.

– Да. И я надеюсь, что родителей нашего жениха это влияние тоже обошло стороной. Нет – я свято верую в их разумность!

– Я могу попытаться разузнать...

– Не стоит.

А вот это что-то новое: маменька отказала астрологу. Обычно она с готовностью хваталась за идеи для прогнозов – так появлялся повод организовать традиционную еженедельную встречу. А без неё было никак нельзя: все уважающие себя представительницы высшего общества сейчас не обходились без совета знающего астролога, и маменька никак не могла от них отстать. До сих пор, судя по всему.

– Думаю, вопрос чувств – тот самый, в котором мы можем разобраться без непосредственного участия звёзд, – маменька улыбалась, была безупречно вежлива, но я видела между ней и де ла Луной стеклянную – нет, ледяную! – стену.

– Безусловно, вы способны разобраться без участия звёзд в чём угодно.

– Благодарю за столь высокую оценку, – маменька сдержанно кивнула (надо же, даже лесть на неё не подействовала). – Теперь же, боюсь, я вынуждена просить нас оставить. Наша беседа была столь занимательна, что нам с Имельдой теперь понадобится немало времени, чтобы всё осмыслить.

Расшифровываю: это она намекнула, что в ближайшее время нам не понадобятся услуги астролога, а вот этого конкретного астролога – не понадобятся никогда.

– Уверен, ваш великолепный разум осмыслит всё гораздо быстрее, чем вы из скромности утверждаете, – де ла Луна встал и отступил к выходу, но всё ещё не переставал пытаться, отказываясь признавать поражение.

– Мне лестно ваше мнение. Однако, боюсь, в этом случае вы ошиблись.

В случае с моей свадьбой, конечно же, а не с маменькиным разумом.

– Надеюсь, что это не так, – де ла Луна едва не поклонился на прощание и, наконец, вышел.

Дверь за ним с глухим стуком закрылась, и маменька, вставшая, чтобы указать астрологу на дверь, тяжело опустилась обратно в кресло. На долгую минуту она умолкла, потирая пальцами широкую переносицу, будто бы разгоняя мысли. Наверное, искала какой-то выход из ситуации.

– Может, обратиться к другому астрологу? – осторожно предложила я.

– Что?! – она вскинула голову так, будто я предложила прогуляться по бульвару в исподнем. – Нам повезёт, если этот не растрезвонит всей столице! Хорошо, что я догадалась не называть имён, но у него есть дата рождения, а это сужает круг поисков... Зря я, возможно, так его выпроводила – как бы не появилось желание и повод для мести. Или, того хуже, шантажа!

– Шантажа?

– Да, глупая! Что бы этот проходимец ни говорил, но астрологическая несовместимость многое значит. Боги, они даже могут *расторгнуть помолвку!*

Во рту у меня пересохло. Так значит, всё правда? Нам с моим принцем не суждено быть вместе?

– Какой будет скандал! – рука маменьки переместилась с переносицы на лоб, и она прикрыла глаза, как от головной боли. – Конечно, нас тут же заподозрят в утаивании истины, хотя и Гастингсы ведь не догадались проверить!.. Хотя как, не догадались. Десять лет назад астрология ведь вообще не имела такой особенной силы – иначе мы бы с твоим отцом никогда бы не сочетались браком.

– Так вы тоже?.. – вырвалось у меня.

– Да кого вообще интересует любовь?! – отмахнулась она, но, поглядев в мои широко распахнутые глаза, добавила: – Кроме юнцов, начитавшихся всяческой беллетристики.

Конечно, во всём виноваты мои книги – даже если в историях о Шерлоке Холмсе нет и намёка на любовь.

– На любви крепкий брак не построишь, помяни моё слово.

– А на чём же построишь? – я скрестила на груди руки.

– На общих интересах, – сказала, как отрезала, маменька. – Твой отец был очарован мной, а я не имела ничего против того, чтобы стать графиней. На том и сошлись: он подарил мне титул, я ему – своё общество, которое он очень ценил.

Тут я вынуждена признать, что это правда: отец и впрямь любил и уважал маменьку, часто советовался с ней и неизменно хвалил её острый ум. Она вся светила от таких комплиментов, поэтому их вполне можно было назвать счастливой парой. Жаль, что отец был много старше маменьки и так рано скончался.

– К сожалению, наши интересы и интересы Гастингсов перестали быть общими, когда ушёл из жизни твой отец. Они-то хотели породниться с графом, а не со сталелитейщиком! – маменька фыркнула, но я её почти не слушала.

Я думала о том, что отец бы понял меня, думавшую в этот момент не о выгоде, а всё-таки о любви.

Ведь я любила! Да, мы ни разу не встречались с Дерекком, моим юным бароном, но я знала его достаточно, чтобы успеть полюбить. Мне присылали не только портреты, но и письма – сам Дерек писал редко, по праздникам, а вот его гувернёр неизменно докладывал маменьке об успехах моего жениха в разнообразных науках и увлечениях. Она милостиво позволяла мне читать эти отчёты – так я узнала, что мой суженый (позволительно ли называть его так теперь, когда очевидно, что быть вместе звёздами нам не суждено?) особенно хорош в фехтовании и точных науках, да настолько, что давеча поступил в Бирмингемскую академию алхимии и астрологии!

Постойте-ка...

– Мы можем, конечно, попытаться скрыть наше маленькое открытие, – маменька всё рассуждала. – Но тогда придётся вернуть де ла Луну. И повысить ему жалование. И всё равно останется риск, что он решит подзаработать на стороне. К тому же, достаточно только намёка, напоминания – и Гастингсы сами закажут этот расклад... то есть, прогноз.

Всё упиралось в знание астрологии, верно? Де ла Луна, я уверена, был не лучшим из существующих астрологов: слишком уж дёшево он брал. Даже если он всё правильно понял про нашу с Дерекком несовместимость (в чём я, между прочим, не была уверена!), то мог не знать нюансов, лазеек. Вдруг всё было не так однозначно?

– Если мы всё умолчим, а Гастингсы закажут прогноз, нам всё равно несдобровать, – маменькин вздох вырвал меня из раздумий. – Если же скажем... но в твоих условиях этот мальчик – лучшая возможная партия!

Я решила пропустить её последнюю фразу мимо ушей, сосредоточившись на главном:

– А что, если мы опередим Гастингсов?

– В каком смысле? – она на меня даже не взглянула. – Я, кажется, уже говорила, что мы не можем обратиться к другому астрологу. О нашей проблеме и так уже знают больше людей, чем положено. А чем больше людей, тем хуже они молчат.

– Но если мы будем полностью уверены в астрологе?

– Боюсь, глупышка, ты слишком веришь людям. Мы можем доверять только самим себе.

– Так об этом и речь! – ага, вот теперь она всё же скосила на меня свой совсем-не-заинтересованный взгляд. – Астрологии могу научиться я!

Маменька ничего не сказала, но повернула голову.

– Дер... сын барона Гастингса в прошлом году поступил в Бирмингскую академию алхимии и астрологии. Он изучает алхимию, *не волнуйся ты так*. Но я-то могу изучать астрологию! Девочек часто отправляют туда учиться, никто не удивится. Скажем, я решила наконец поближе познакомиться с женихом...

– Хм.

Я знала: она никогда не считала меня особенно умной. Возможно, она была права, и я была юной, наивной и влюбчивой девицей, ничего не понимавшей в жизни, – именно такой смысл маменька вкладывала в своё ласковое «глупышка», я уверена. Но считать меня совершенно неспособной на здравые идеи было бы чересчур.

– Открой-ка шторы.

Это была победа, но я позволила себе улыбнуться, лишь когда отвернулась от маменьки. Она всегда говорила, что не стоит радоваться слишком рано, то есть до тех пор, пока твой план полностью не исполнился.

– Для поступления нужно сдать экзамены.

А вот и первое препятствие.

– Думаешь, я не смогу? – отвернулась я от окна.

Маменька смотрела на меня изучающе, будто увидела впервые. Взгляд был неприятный, меня будто взвешивали на невидимых весах, сравнивали с неведомым идеалом. Идеалам, как известно, никто не может соответствовать.

– Даже если не сможешь, уверена, мы сможем подтолкнуть приёмную комиссию к правильному решению, – вынесла маменька вердикт.

Меня не признали умной, но посчитали сообразительной.

– Но в стенах академии я не смогу тебе помочь.

– Я справлюсь.

– Тебе *придётся*. Представь, что будет, если Гастингсы всё узнают и расторгнут помолвку, – конечно, она говорила не о моём разбитом сердце. – Пойдут слухи. Каждый вставит свои пять шиллингов в эту историю: кто-то скажет, что вы расстались, потому что ты некрасива, кто-то предположит, что причина в твоей незнатности (титул девочкам всё же не передаётся), но найдутся и те, кто придумает что-то оригинальнее.

– Оригинальнее?

– Какое-нибудь проклятие. Подозрение в том, что ты незаконнорождённая. Скорое банкротство твоего отчима, моего дорогого мистера Брауна.

– Но это же неправда!

– Станет правдой, если в слухи поверит достаточное число людей.

То есть, на меня возлагали ответственность не только за свой брак, но и за будущее и репутацию всей семьи? *Потрясающе*.

– Поэтому ты должна постараться. Вести себя в академии безупречно, не подавать виду, что тебе нужно что-то помимо внимания твоего дорогого Дерека, – надо же, маменька знала его имя. – Ты должна казаться влюблённой дурочкой, приехавшей в академию вслед за своим избранником, а не расчётливой умной девочкой.

Ей не хватало только добавить: «Каковой ты и так не являешься».

– Я справлюсь, – пожалуй, в моём голосе было чуть меньше уверенности, чем прежде. Но маменьку это устроило:

– Хорошо. Тогда я сегодня же займусь поиском необходимых учителей, – в ответ на мой удивлённый взгляд она улыбнулась. – Будет всё же приятно, если ты пройдёшь испытания не на самый низший балл.

Ауч.

– Гарольдсон!

Дверь открылась незамедлительно: дворецкий только и ждал своего часа. Мой же час прошёл – маменька полностью сосредоточилась на своих указаниях и более не интересовалась моим мнением. Не сомневаюсь: она даже не заметила, как я вышла.

Глава вторая, в которой сталкиваются принципиально разные точки зрения на высшее образование

Важный нюанс, на который я при поступлении не обратила должного внимания: Бирмингемская академия алхимии и астрологии не имела ничего общего с Бирмингемским университетом, одним из крупнейших в стране. Проще говоря – это было захолустье. Хотя красивое.

Академия находилась далеко за городом, в окружении холмов и пасторальных пейзажей. Путь к ней пролегал через живописные виды: выглянув в окно экипажа, я могла любоваться быстро бегущей рекой, широкими лугами, играющей на обочине деревенской ребячней. Счастливые! Им то не надо думать о репутации семьи и о том, как вернуть жениха, который, к слову, ещё даже не пытался сбежать из-под венца.

Я успела немало подумать об этом в последнее время.

С чего маменька вообще решила, что Дерек от меня откажется? Насколько я могла судить, он был благородным молодым человеком – такой бы не бросил помолвленную с ним девушку на произвол судьбы. Даже если бы он принял решение расстаться со мной (в чём я не могла его винить: каждый имеет право попытаться счастья в поиске любви), Дерек мог бы сделать это деликатно, чтобы после не осталось пространства для слухов. Я так и представляла себе эту речь:

– С прискорбием сообщаю, что мы с моей возлюбленной Имельдой приняли решение расстаться. Это не продиктовано ничем иным, как нашими искренними чувствами друг к другу: я не могу пользоваться её вниманием, зная, что звёздами нам не суждено быть вместе. У моей дорогой Имельды должен быть шанс найти свою истинную судьбу, и этому человеку несказанно повезёт.

Ах, до чего же прекрасные слова! Конечно, я бы ответила ему тем же – я и сейчас уверена, что его истинная суженая познает великое счастье. Иначе и быть не может, коль ей обещана любовь такого красивого, смелого, мужественного, умного юноши!

Правда, странно, что он выбрал для обучения столь малоизвестное учебное заведение, а не прославленный Бирмингемский университет.

– Почти приехали, мисс, – в реальность меня вернул голос мисс Бендикот, служащей университета, которую отправили меня встретить.

До Бирмингема я добиралась поездом в сопровождении одной из наших многочисленных служанок, но на вокзале мы расстались – меня передали в «заботливые руки» мисс Бендикот, как она сама же и выразилась.

В целом, мисс Бендикот оставляла впечатление строгой, но справедливой наставницы. Её одежда выдавала склонность к консервативным взглядам: на это указывал высокий воротник и плотно закрытое декольте, наличие старомодного кринолина родом из её молодости и тёмный синий цвет платья (она наверняка бы надела и чёрный, если бы это не был традиционный цвет ученических мантий).

При таких вкусах мой наряд мог вызвать неудовольствие, но она оказалась довольно терпимой к проявлениям современной моды. По крайней мере, мои открытые ключицы мисс не смутили – или же она этого не озвучила, что в любом случае подняло её на ступеньку выше в моих глазах.

Ещё на одну ступеньку мисс Бендикот поднялась, когда обнаружилось, что она не склонна к пустым разговорам: почти весь путь мы преодолели в молчании. Лишь в самом начале она позволила себе прервать мои раздумья, чтобы ввести в курс дела и объяснить, кто же она такая. А была она никем иным, как наставницей и соглядатаем всех без исключения

девушек в академии, чьей обязанностью было следить за тем, чтобы мы и вдали от дома не забывали о правилах приличия, вбитых в наши очаровательные головки с самого детства. Как будто это можно было забыть!

– Я буду за вами приглядывать, – тем не менее, ласково пообещала мисс Бендикот, и пока полностью это обещание выполняла.

Она не оставила меня в одиночестве, когда экипаж остановился во дворе академии – мрачного особняка из тёмного кирпича, сразу привлекавшего внимание двумя тянущимися ввысь башенками. Интересно, это в них проводятся занятия по астрологии?

Вопрос остался произнесённым – долго разглядывать здание мне не дали. Мисс Бендикот кивнула в знак приветствия ожидающему нас у входа слуге и решительным, но не очень широким шагом направилась к деревянной двери. Стоило ей ступить на крыльцо, как та услужливо распахнулась, будто по мановению руки (хотя, конечно, в действительности дело было в предупредительном швейцаре, чью ливрею я успела заметить за открывшейся створкой).

– Весь первый этаж отведён под классные комнаты и общие помещения, – объяснила мисс Бендикот, проходя через просторный холл. – В восточном крыле находятся столовая и библиотека, в западном – кабинеты. Подробную экскурсию для вас проведёт одна из старших девочек, когда вы немного освоитесь.

– Хорошо, мисс Бендикот, – кротко откликнулась я, мысленно порадовавшись, что в ближайшее время мне не придётся одной бродить по этим тёмным коридорам, при виде которых миглом вспоминались произведения Горация Уолпола (маменька думала, что надёжно их спрятала, но за своё детство я успела исследовать все полки в домашней библиотеке).

– Вы, как и все наши студенты, будете жить на втором этаже. Девушки и юноши проживают отдельно, вам отведена дальняя часть западного крыла, рядом с личными комнатами преподавателей. Не волнуйтесь, они вас не потревожат: никому не позволено заходить в дамскую гостиную и тем более в ваши спальни. Кроме, разве что, слуг.

Что ж, вполне разумно. Конечно, я не сомневалась в манерах юношей, обучающихся в столь благородном заведении, но обезопасить девушек от всяческих поползновений никогда не было лишним.

– Я лично слежу за тем, чтобы дамская гостиная оставалась неприкосновенной, – продолжала меж тем мисс Бендикот, ступая по мягкому, приглушавшему шаги ковру меж одинаковых тёмных дверей, скрывавших, вероятно, комнаты преподавателей.

Коридор был коротким и обрывался стеной, совершенно неожиданно вырвавшейся из полумрака.

– Её достроили позже, – заметив моё удивление, пояснила мисс Бендикот. – Как вы наверняка знаете, ещё два года назад в академию не принимали девушек и в таких разграничениях не было никакой нужды.

Из-за недостатка света я не сразу увидела в стене дверь, выполненную из тёмного дерева. Мисс Бендикот положила пальцы на чернённую ручку:

– Днём эта дверь открыта, ваши передвижения никто не ограничивает – хотя, конечно, приветствуются прогулки парами, а не в одиночестве. На ночь же мы закрываем дамское крыло во избежание... – она умолкла, подбирая слова, и наконец остановилась на абстрактном, – ... во избежание всяческих инцидентов.

«Интересно, а эти самые инциденты уже случались?» – подумала я почти мимоходом. А затем замерла, глупо остановившись на самом пороге.

– То есть, нас запирают?

– Я бы выбрала другое слово, – проворковала мисс Бендикот, мягко подталкивая меня в сторону дамской гостиной. – Вас защищают и оберегают.

«Но как же мне тогда свидеться с Дерексом?!» – конечно, я этого не спросила. Мисс Бендикот, судя по всему, была понимающей женщиной, но моё желание поступить в академию,

чтобы гарантированно выйти замуж, она вряд ли бы поняла. Консервативные леди считали, что девушка должна смиренно встречать свою судьбу, а не брать её в руки. Может, и хорошо, что они не читали Конан Дойла – как бы мисс Бендикот шокировала Ирен Адлер!

– Девушки! – не обращая внимания на моё замешательство, мисс Бендикот вслед за мной вошла в комнату и, благоразумно притворив за собой дверь, хлопнула в ладоши, чтобы привлечь внимание.

Вышколенные студентки мигом подняли головы от своих занятий. На меня уставились семь пар заинтересованных глаз.

– Позвольте представить вам мисс Имельду Браун, вашу новую сокурсницу и, надеюсь, подругу, – мисс Бендикот улыбнулась так, что становилось ясно: не подружиться нам было нельзя. – Она немного задержалась, так как прибыла к нам из столицы. Надеюсь, вы поможете ей освоиться.

Несколько девушек кивнули, другие продолжали молча наблюдать.

– Мисс Адамсон, – мисс Бендикот повернулась к одной из студенток, слушавших наиболее внимательно. – Возлагаю на вас заботу о мисс Браун в моё отсутствие. Проведите ей экскурсию до начала занятий – сегодня вы не успеете, так что, думаю, завтра с утра. И объясните, как всё тут устроено.

Мисс Адамсон, высокая худощавая девушка с вытянутым безэмоциональным лицом, послушно кивнула: «Как скажете, мисс Бендикот».

– Имельда, это Глория Адамсон, – негромко пояснила мисс Бендикот, чуть наклонившись ко мне. – Она из первого набора и успела освоиться лучше прочих студенток, так что стала у нас кем-то вроде неофициальной старосты. Официальные старосты традиционно избираются среди юношей, но вы согласитесь со мной, если я скажу, что новым студенткам комфортнее знакомиться с академией в обществе других девушек.

– Истинно так, – подтвердила я, ничуть не покривив душой.

От мисс Бендикот не укрылась порывистость и искренность моего ответа, и она удовлетворённо улыбнулась. Похоже, я соответствовала её представлениям о достойной современной леди.

– Тогда, раз уж вам всё понятно, я вас оставляю. Слуга принесёт ваши вещи, а мисс Адамсон покажет комнату, в которой вы будете жить, и ответит на все ваши вопросы, – на этих словах она снова посмотрела на «неофициальную старосту».

– Безусловно, – не заставила она себя долго ждать.

– Замечательно, – мисс Бендикот кивнула и подняла взгляд с мисс Адамсон, обвела им всех собравшихся девушек. – Что ж, хорошего вам вечера.

– Доброго вечера, мэм, – те ответили практически в унисон.

– Доброго вечера, – запоздало повторила я, обернувшись.

Оказалось, что не успела: мисс Бендикот уже вышла за дверь. В тишине я услышала, как в замочной скважине повернулся ключ – а затем комната, будто замороженная присутствием взрослой наставницы, вдруг ожила.

– Так ты правда из столицы?

Я вздрогнула: так близко раздался голос. Одна из девушек подошла ко мне почти вплотную и, когда я повернулась, с интересом заглянула мне прямо в лицо. Со стороны, наверное, это смотрелось комично: она была невысокой и разве что не встала на цыпочки, чтобы получше меня разглядеть.

– Да, – откликнулась я, неожиданно почувствовав себя не в своей тарелке. До сих пор я никогда не оставалась в комнате с таким количеством любопытных девушек без взрослых или служанок.

– Здорово! – моя новая знакомая несказанно обрадовалась. – У нас тут большинство из Бирмингема и окрестностей, ничего дальше своего носа не видели. Расскажешь, как там в столице?

– Бекки, не напирай, – рядом с невысокой болтушкой выросла мисс Адамсон, Глория. В отсутствие мисс Бендикот она вела себя иначе, мягко мне улыбалась. – Прости, к Бекки нужно привыкнуть. Но ты её полюбишь.

– А мы полюбим тебя! – тут же вмешалась Бекки.

– Обязательно, – согласилась Глория, кажется, от греха подальше. – Ты как, готова со всеми познакомиться? Или хочешь побыть одна и прийти в себя?

Я открыла было рот, чтобы отказаться: уходить, не поприветствовав всех, было невежливо. Но Глория будто угадала мои мысли:

– Не волнуйся, мы поймём, если ты выберешь одиночество. Мы стремимся создать здесь как можно более комфортное пространство, а потому закрываем глаза на некоторые отступления от диктуемых обществом приличий. Здесь ты можешь быть самой собой – никто не узнает.

– Я... – надо же, у меня не нашлось, что ответить.

Идея, озвученная Глорией, была привлекательной до неправдоподобия. До сих пор маменька учила меня, что именно девушек-сверстниц следует опасаться – у них куда больше поводов пустить свои злые язычки в ход, чем у взрослых женщин или любых мужчин.

«Вы соперницы, – говорила маменька всякий раз, когда я осмеливалась называть кого-то подругой. – Вы боретесь за внимание и любовь общества, за сердца прекрасных юношей и состоятельных мужчин, за место на вершине. Вы не можете быть подругами».

По её логике, в академии мы должны были бы соперничать за уважение преподавателей, за оценки, за внимание однокашников. Но Глория вела себя, словно это было совершенно не так.

– Нас здесь немного, и нам здесь не очень-то рады, – по-своему истолковав моё молчание, вновь заговорила она. – Поэтому лучше держаться вместе, согласна?

– Нам здесь не рады? – я не задумывалась об этом, поглощённая подготовкой к вступительным испытаниям, а ведь стоило.

Не нужно было следить за новостями, чтобы знать, какое волнение спровоцировало год назад известие о том, что девушкам разрешили получать высшее образование. Хотя дело было решённое, по этому вопросу до сих пор гремели споры: многие считали, что благородным леди ни к чему знать точные науки, ведь их заботы – суть уют и воспитание достойных отпрысков. Маменька же в кулуарах не раз замечала, что мужчины попросту испугались, будто бы их подвинут.

Какой бы ни была истинная причина, но факт оставался фактом: на девушек, отважившихся поступать в университеты и академии, смотрели косо. Кто-то полагал, что они отправляются учиться лишь для того, чтобы подыскать себе подходящую партию среди учёных мужей. Кто-то заявлял, что, какой бы ни была причина для поступления, девицам всё равно не под силу постичь «высокие знания». Оба лагеря сходились в одном – девушки занимают места, исторически предназначавшимся более смышлёным мужчинам.

– Видела бы ты, как на нас смотрит декан, – фыркнула Глория, провожая меня через гостиную в сторону продолжавшегося впереди коридора. – Уверена, он был на стороне противников реформы, и не принял бы нас, если бы не надавил кто-то сверху. И большинство преподавателей, к сожалению, такие же. Разве что профессор Харди...

Она не договорила – мы пришли. Моя дверь оказалась предпоследней по коридору, отличить её от прочих можно было лишь по местоположению.

– Твоя спальня, – Глория повернула дверную ручку. – Вообще-то каждая комната рассчитана на двоих, но нас так мало, что мы живём по одной.

Внутри и впрямь стояли две одинаковые кровати, два стола, два высоких шкафа. Пространство делили напополам большое окно и лежавший на полу ковёр, такой же мягкий, как в коридоре.

– Можешь занять оба гардероба, если хочешь: некоторые девочки так и делают. Бекки умудрилась даже занять два стола – у неё столько черновики... – Глория так смешно закатила глаза, что я не сдержала улыбки. – Она утверждает: это потому, что алхимикам задают вдвое больше домашних заданий, но я думаю, она просто не может с первого раза писать без помарок.

– Бекки алхимик?! – честное слово, я не хотела спрашивать *так удивлённо*, но это и впрямь было нетипично. Насколько я знала, девушки обычно отдавали предпочтение астрологии – науке, в которой нельзя было совершить ошибок, фатальных в самом прямом смысле слова.

– Да, – Глория не обиделась на мой тон, но ответ её звучал гордо. – Среди нас их трое: Бекки единственная выбрала алхимию в первом потоке, но она показала пример остальным. Ника и Джози сказали, что никогда бы не отважились поступить на алхимию, если бы не она.

Насколько, наверное, глупо выглядело в этот момент моё лицо. Я-то думала, что Бекки младше меня! А она, выходит, не только старше, но и не в пример смелей.

– Я тоже удивилась, когда узнала, что кто-то выбрал алхимию, – Глория утешительно похлопала меня по плечу. – Сама я об этом даже не думала – да мне даже астрология казалась авантюрой! Наш домашний астролог говорил о ней едва ли не как о сложнейшем из существующих учений!

– Мне кажется, все астрологи немного преувеличивают, – отважилась признаться я.

– О, да! – согласилась Глория так, что я сразу поняла: это было частой темой для разговоров в дамской гостиной. – Послушать нашего, так он чуть ли не с Господом разговаривает, а на самом деле...

– Что? – уцепилась я за столь волнующую меня тему.

– Ну, это просто наука, – она пожала плечами. – Мы не говорим с Небесами, не ощущаем веяния звёздного ветра и прочее. Просто смотришь на небо, чертишь карты, вычисляешь положение звёзд в тот или иной момент времени, делаешь выводы в соответствии с толкователями...

– Звучит сложно, – проговорила я, желая польстить ей и побудить к дальнейшему разговору.

Но оказалось, что Глория относится к похвале не с таким восторгом, как маменька и её товарки:

– Только звучит, – по-своему трактуя мои слова, она ободряюще улыбнулась. – Я сначала тоже перепугалась, когда профессор Эрхарт начал рассказывать нам о движении звёзд и планет, а уж когда впервые потащил на астрономическую башню!..

Глория покачала головой, будто не могла передать словами весь ужас практического занятия.

– Но ничего, разобралась в основах, и всё оказалось не так уж и страшно. Кроме холода в башне – серьёзно, когда у вас будут практические занятия, одевайся как можно теплее, и плевать на школьную форму. Эрхарт будет бубнить, что вы должны соответствовать образу студента «сего храма знаний», но не обращай внимания. Иначе сляжешь с лихорадкой, пропустишь экзамены и останешься здесь на каникулы. А такого даже самым усердным студентам не пожелаешь.

И тем более мне, которая надеялась покинуть академию после первого же семестра: не может быть, чтобы за полгода я не разобралась в основах астрологии и того, что она говорит о совместимости.

– Спасибо за совет, – затолкав эти мысли поглубже, ответила я.

– Всегда рада помочь. Правда, обращайся, если что.

– Обязательно, – тут я не кривила душой.

Вообще-то, я могла бы спросить у Глории про совместимость. Я подумала об этом, когда она только заговорила об астрологии, но она относилась к своему учению так серьёзно... Можно было представить, как изменится её взгляд, когда Глория поймёт, ради чего я на самом деле поступила в академию.

– Ладно, ты обустройся. И, если почувствуешь, что готова провести вечер в компании, обязательно к нам заглядывай. Девочкам не терпится с тобой познакомиться!

Мне тоже не терпелось, на самом деле. Может, среди них найдётся такая же, как я, отправившаяся на учёбу, чтобы устроить свою личную жизнь? Вот с ней и можно было бы посоветоваться – если не о совместимости, так о том, как выбраться из запертого дамского крыла и незамеченной пробраться к юношам. Было бы неплохо спустя двенадцать лет помолвки всё-таки поговорить со своим суженым.

Глава третья, в которой встреча с прекрасным принцем откладывается на неопределённый срок

Ничего не вышло! Нет, не так – это был полный, бесповоротный, ужасный провал, невыносимый для моего чувства собственного достоинства!

Но я должна держать себя в руках и, как положено хорошему рассказчику, поведать обо всём по порядку, не скрывая даже самых неприятных и постыдных деталей. Приступим же.

Как и всегда бывает в подобных историях, ничто не предвещало беды. Первый вечер в академии я прекрасно провела со своими сокурсницами, каждая из которых оказалась на удивление прекрасной девушкой. Глория по очереди познакомила меня с ними: сначала – со своими подружками со второго курса, затем – с пока ещё застенчивыми и опасливыми новыми студентками, такими же, как и я.

– Бекки ты уже знаешь, – при этих словах темноволосая болтушка подняла голову от лежавшей на коленях вышивки и приветственно помахала мне рукой. – А это Доротея, ещё одна из первопроходцев.

На меня смотрела круглолицая рыжеволосая девушка, чей нос и скулы были усыпаны светлыми, едва различимыми веснушками. При звуках своего имени она очаровательно сморщила маленький носик:

– Пожалуйста, зови меня Дороти. Не знаю, о чём думали мои родители, выбирая *то* имя.

Пожалуй, я её понимала. Моё имя, конечно, не вызывало у меня такого отвращения, но его звукам неизменно сопутствовала неловкость. Каждый раз при знакомстве люди вскидывали брови, а многие считали должным вслух отметить, что в нашей стране Имельду на каждом шагу не встретишь!

– Имена всех новеньких, если честно, я ещё не успела запомнить, – между тем, негромко призналась мне Глория. – Они прибыли только сегодня утром, и у нас было не так много времени, чтобы пообщаться. Хотя Ника и Джози, конечно, оказались в центре внимания.

Она чуть повысила голос, заставив двух девочек в дальней части гостиной втянуть головы в плечи. Спрятаться таким образом не удалось: Глория подвела меня поближе и нависла над подружками с неотвратимостью любой тяжкой доли.

– Очень приятно познакомиться, – первой со смущением справилась маленькая худенькая брюнетка с короткой не по моде стрижкой. – Вообще-то меня зовут Джозефина, но все для удобства сокращают.

– А мне можно? – вырвалось у меня.

Кажется, этим вежливым вопросом я прибавила себе баллов: Джози одобрительно усмехнулась, а в уголках её тёмных глаз появились смешливые морщинки.

– Пожалуй, можно, – милостиво согласилась она. – Что скажешь, Ник?

– Я бы предпочла, чтобы меня называли Никой, – ответила сидевшая рядом с Джози блондинка: лёгкая картавость наполовину с акцентом выдавали в ней уроженку другой страны. – Так звали одну из богинь победы, чьё благословение меня бы очень порадовало.

– Они волнуются из-за того, что поступили на направление алхимии, – пояснила Глория, когда мы оставили подружек в покое. – Ни для кого не секрет, что девушкам там приходится особенно нелегко: некоторые преподаватели считают, что мы просто не в состоянии постичь «великое делание».

Последние два слова она произнесла саркастично, чем привлекла внимание Бекки – та, похоже, имела свойство постоянно прислушиваться к разговорам в комнате и ввязываться в них, когда не просят.

– Вообще-то, – вот и сейчас протянула она, – Великое Делание недоступно и студентам-юношам. Так называется процесс изготовления философского камня, а оно находится под запретом для всех, кроме Магистров.

– А так и не скажешь, что она у нас заучка, да? – быстро прошептала мне на ухо Глория, и громче добавила. – Прости, Бекки, я ни в коем случае не хотела принизить твою науку или какой-либо из её аспектов.

– Я и не сомневалась, – ответила та так, что невозможно было понять: правду она говорит или ёрничает. – Просто тебя подкорректировала.

Кто-то за нашими спинами хмыкнул, и мы с Глорией одновременно обернулись. Позади, на невысокой кушетке обнаружилась одетая не по форме девушка, чьё круглое «ангельское» личико и нежные кудри никак не соответствовали пронзительному взгляду и многозначительной ухмылке.

– Что-то не так? – Бекки встала и подошла к нам, чтобы лучше её видеть.

– Нет, – девушка покачала головой, и локоны у её висков забавно подпрыгнули. – Просто восхищаюсь твоими знаниями и думаю: а не стоило ли и мне пойти на алхимию? Кажется, там учатся интересные личности.

– Ёрничаешь? – Бекки смотрела на неё с прежним подозрением.

– И снова нет. Но, если хочешь честности: мне понравилось, как ты поставила её, – девушка кивнула на Глорию, – на место.

– Хм, – на этот раз понимающе хмыкнула Бекки. – Допустим.

– Надеюсь, ты не обиделась? – между тем, кудряшка перевела взгляд на Глорию. – Просто со стороны это выглядело именно так.

– Ничего. Но на будущее: постарайся лучше подбирать слова. Мы стараемся создать тут сестринство, и мне... *нам* не хотелось бы никаких внутренних ссор.

Девушка наверняка заметила оговорку – на дне её глаз блеснули дьявольские искорки, – но по неизвестным мне причинам решила промолчать. То ли посчитала нужным прислушаться к Глории, то ли решила припомнить ей случайно вырвавшееся слово позднее.

Что бы там ни было, вежливое молчание Глорию устроило. Удовлетворённо кивнув, она было отошла от девушки, когда в последний момент спохватилась:

– Напомни, пожалуйста, как тебя зовут? Я знакомлю нашу новенькую, Имельду, со всеми студентками. И заодно и сама знакомлюсь...

– Эмили, – ничуть не обиделась та и вдруг протянула мне руку. – Давай, я не кусаюсь.

После короткого промедления, я всё же коротко сжала её пальцы. Это был странный жест: так вели себя при знакомстве мужчины – не леди. Но Эмили, похоже, считала условности выше своего достоинства.

– Она, наверное, суфражистка, – заметила Глория, когда мы всё-таки отошли в сторонку. – Ты заметила её брошку?

Не заметила, и сейчас с трудом сдержалась, чтобы не обернуться.

– В ней зелёные и фиолетовые камни, – пояснила Глория, заметив моё замешательство. – Это цвета суфражисток, у них такой же флаг. И моя сестра говорила, что девушки, которые хотят поддержать суфражисток, но боятся, делают это вот так, тихонько, с помощью украшений.

– Не похоже, чтобы она чего-то боялась.

– Думаю, с ней поговорила мисс Бендикот. Она старается не допустить никаких размолвок и могла объяснить Эмме...

– Эмили, – поправила я.

– Да, она могла объяснить Эмили, что лучше не провоцировать мальчиков на споры. Ты же знаешь, как они к этому *чувствительны*.

Мой отчим, мистер Браун, тоже вечно возмущался, когда наткнулся в газете на новости о женском движении. Я же никогда не понимала, почему ему так не нравится идея дать женщинам право голосовать на выборах – что от этого изменится? Уверена, многие из дам ничего не смыслили в политике и просто сделали бы, как сказали бы мужья, отцы или братья. Я бы, например, поступила именно так.

– А вот и последняя из наших первокурсниц, – мы остановились, и я была вынуждена оторваться от размышлений.

Как бы странно ни звучало, но эта студентка, отличавшаяся от прочих неожиданной округлостью форм, сидела на широком подоконнике, притянув колени к груди. Судя по всему, подобное в гостиной не возбранялось: Глория ей и слова не сказала. Девушка, впрочем, тоже не отличалась разговорчивостью – с явной неохотой она повернулась к нам и вопросительно перевела взгляд с одной на другую.

– Это Имельда, – в очередной раз представила меня Глория.

– Я знаю, ты говорила, – пожалала девушка плечами.

– Эм, – Глория, кажется, растерялась от такого ответа. – Не могла бы ты представиться ей в ответ?

– Мэриан Робсон, – так же равнодушно промолвила та. – Рада знакомству.

Судя по голосу, радости в ней не было и на йоту, однако я была не настолько смела, как Эмили, чтобы это отметить. Только и вымолвила:

– Я тоже, – и поспешила отойти вместе с Глорией в сторонку, поближе к куда более дружелюбным Дороты, Бекки, Нике и Джо.

– Она просто ещё не освоилась, – Глория решила успокоить меня, хотя я не могла сказать, что сильно огорчилась поведением последней сокурсницы. – Мы трое первые недели тоже не особенно общались, но когда вы единственные девушки в академии, куда каждый год принимают десятки юношей...

Я кивнула: и без того было понятно, что нам нужно держаться вместе. А ещё было ясно, что ни одна из девушек не поступала в академию ради учащегося здесь жениха – по крайней мере, ничто в их поведении не выдавало подобных намерений.

Глория, довольно откровенная в рассказах о местных обычаях, ни разу не упомянула ни чьего возлюбленного. Бекки, судя по всему, интересовалась лишь вышивкой и алхимией. А Дороты так усердно корпела над записями перед проверочной работой, что заподозрить ей в поверхностном отношении к науке было решительно невозможно.

Мои сокурсницы, на первый взгляд, тоже были настроены серьёзно. В Джози и Нике я была уверена – ни одна влюблённая дурочка не стала бы усложнять себе жизнь и не поступила бы на направление алхимии. Эмили с её борьбой за права женщин тоже вряд ли бы пошла на жертвы в виде высшего образования исключительно ради любви. Да и Мэриан, при всей её мечтательности, не тянула на чью-то пылкую невесту.

Выходило, что, вопреки пересудам, я оказалась единственной студенткой, догадавшейся сдать экзамены исключительно из романтических целей. И этот факт заставлял меня чувствовать себя самой глупой и неловкой девушкой в нашей гостиной. Или, скажем для пушного драматизма, *во всём особняке*.

С реальностью меня немного примирило поведение подруг по несчастью (читай – сокурсниц) во время ужина, куда нас позвали спустя час после моего прибытия. К тому моменту я уже успела переодеться в академическую форму: на редкость неудобную чёрную робу с широкими рукавами, которые во время еды упорно пытались забраться в тарелку.

– Держи, – от полного фиаско меня спасла всё подмечавшая Бекки.

В руках у неё была большая заколка для волос, какие моя маменька всегда считала слишком вульгарными. Как они смотрятся в причёске, мне тоже не нравилось, но, оказалось, такие

приспособления исключительно полезны в тех случаях, когда нужно справиться с длинными руками. Собрав ткань на правой руке гармошкой, я аккуратно закрепила её в таком положении и наконец-то смогла орудовать вилок с привычной скоростью и необходимым для леди изяществом.

– Спасибо, – пробормотала я Бекки.

Та как будто не слышала. Её внимательный взгляд был устремлён куда-то за пределы длинного стола, за которым кроме нас могли поместиться ещё с десяток человек, но не сидел никто. Видимо, предполагалось, что девушкам и юношам не положено проводить трапезы в такой близости – и это при том, что сидящие напротив нас Глория и Дороти спинами едва ли не соприкасались со студентами, расположившимися за соседним столом.

Именно на этих студентов и смотрела Бекки, которая, судя по всему, интересовалась ещё кое-чем помимо созданных из нитей цветочков и Великого Делания. Или, если точнее, кое-чем – мне не составило труда проследить за её взглядом и наткнуться на...

Ох. У Бекки определённо был вкус.

За столом ровнёхонько напротив нас сидел северянин, с виду немного за двадцать. Его нездешность выдавал внешний вид: могучая фигура, высокий даже для юноши рост, светлые длинные волосы, собранные в традиционную тугую косу. Ученическая роба на нём не сидела, стягивала широкие плечи, стесняла в движениях. Он морщился, пытаясь совладать с неподатливой тканью, достичь хотя бы подобия удобства. Судя по выражению лица, получалось плохо.

– Это наш официальный староста, его представили на торжественном обеде, – негромко произнесла сидевшая по левую руку от меня Джози. – Йорек как-его-там – фамилия просто непроизносимая. Но да, такому красавчику и непроизносимую фамилию простить можно.

Я почувствовала, что краснею, и поспешно уставилась в тарелку. Скосила глаза в сторону Бекки: той было хоть бы хны – так и сидела, мечтательно разглядывая старосту. Мне кажется, даже заметь он столь пристальное внимание, Бекки не отвела бы взгляда и только очаровательно, игриво улыбнулась. Вот она – смелость, заслуживающая восхищения!

Мне же, по-хорошему, следовало заглядываться не на северян, а на своего жениха, который должен был находиться где-то столовой. Но, увы, отыскать его среди полусотни студентов было решительно невозможно – в форме практически все были на одно лицо. Меня, например, нельзя было отличить от Ники: обе светловолосые, миловидные и миниатюрные. Даром, что разного роста – стоя Ника едва доставала макушкой мне до плеча.

– Кого ищешь? – Джози заметила, как я вытянула шею.

Я посмотрела на неё с сомнением, не уверенная, стоит ли говорить правду. Всё же Джози и другие девочки приехали сюда ради образования и уважения, а не ради романтики – ещё засмеют. Но как иначе объяснить свой интерес к юношам-одноклассникам?

– Просто пытаюсь понять, насколько их больше.

– Раза в три, тут и смотреть не нужно. И это только среди первокурсников, чтобы ты понимала.

Да уж, паршиво. И как мне отыскать нужного? Или, того сложнее, как поговорить с ним наедине? Очевидно же, что он не захочет обсуждать дела сердечные на публике – маменька говорила, что у молодых людей с этим туго, да я и сама сделала похожие выводы, наблюдая за многочисленными кузенами.

– А мы пересекаемся только на обедах и занятиях?

– Есть ещё общественные мероприятия, – ответила неожиданно Глория. – Пару раз в месяц нас выводят куда-нибудь, обычно на спектакль или оперетту. По праздникам устраивают балы, но ближайший будет только на Рождество. Это довольно забавно.

До Рождества я ждать не могла, поймать Дерека на спектакле —тоже. Не протискиваться же к нему меж кресел посреди антракта!

– Но вообще, зря ты это, – погружённая в свои мысли, я не сразу поняла, о чём говорила Глория. – Искать себе жениха тут некогда. Преподаватели не шадят нас, потому что мы девушки. Наоборот – некоторые специально задают больше заданий, так как считают, что нам надо больше практики, чтобы понять даже очевидные вещи. У тебя просто не будет времени бегать на свидания – если бы такая возможность была, конечно.

– Мисс Бендикот не даёт нам даже парой слов перемолвиться, – пояснила Бекки, отвернувшись-таки от своего северянина. – Только заметит, что ты с кем-то болтаешь – тут же оказывается рядом и проверяет, чтобы вы ни о чём «таким» не говорили. Об учёбе можно, но тоже чуть-чуть.

– А об учёбе-то почему нельзя? – поразила я.

– Так мало ли: вдруг это просто предлог? Говорят, ещё до того, как нас принимать начали, был какой-то скандал со студентом. Тогда на балы приглашали девушек из института благородных девиц, и он вроде как с одной из них подружился. Преподаватели следили, но они правда говорили только о занятиях. Ну, и договорились через девять месяцев.

– До чего? – не сразу сообразила я.

Вместо ответа Бекки очертила в воздухе округлый живот.

– Врёшь! – восторженно воскликнула Джози – и тут же поймала строгий взгляд мисс Бендикот, сидевшей за преподавательским столом на противоположной стороне зала. – Где бы они успели?..

– Как будто бы в академии мало укромных уголков, – это фыркнула Дороти. – Да и на балах за нами, конечно, пытаются следить, но не то, чтобы успевают. Нас много, а дежурных преподавателей обычно два-три.

Вот это было уже интересно: похоже, Дороти знала больше, чем могло показаться на первый взгляд. Может, у неё тоже в этих стенах есть тайный возлюбленный?

– И всё равно... – протянула Джози с сомнением. – Тут же, хм, особое уединение нужно...

Сказала – и тут же залилась краской, с Никой на пару. Дороти, Бекки и Глория отреагировали спокойнее, а Эмили с Мэриан я толком не видела. Сама я от этих разговоров испытывала смешанные чувства: в рассказ Бекки верила слабо, упомянутые Дороти тайные уголки вызывали у меня интерес, а разговоры о, с позволения сказать, любовных утехах хотелось пропускать мимо ушей.

Если честно, я этой теме немного боялась – смыслила мало и не хотела показаться глупой.

– Только если ты влюблена, – девушки же менять тему не торопились: Бекки и вовсе ринулась просвещать наивную Джози. – Когда это без чувств – так, просто нежности, – то можно и в той же библиотеке...

– Как будто ты там когда-нибудь это делала! – Дороти закатила глаза.

– Нет, но могла бы! – уверенно возразила Бекки. – Есть во мне нерастраченный... авантюризм!

– Дурости в тебе много, – сказала, как отрезала, Глория.

Бекки не обиделась – наоборот, ухмыльнулась:

– Что правда, то правда, – а затем, мечтательно вздохнув, снова поглядела на Йорека. Судя по виду, представляла, чем бы они вдвоём могли заняться в тёмной безлюдной библиотеке.

Она не отрывалась от своего увлекательного занятия до самого конца ужина. Без Бекки же разговоры о романтике и прочем быстро сошли на нет. Эмили втянула Нику и Джози в разговор о каких-то правах для женщин, Глория с Дороти снова переключились на учёбу – я пыталась прислушиваться, но быстро смирилась с тем, что ничегошеньки не понимаю. Мэриан со мной болтать не спешила, да и сидела далековато, так что остаток трапезы я провела в молчании.

Это было по-своему полезно: появилась возможность внимательно разглядеть преподавателей. Все они предсказуемо оказались мужчинами, почти все – в преклонном возрасте, сильно за сорок. Они были неуловимо похожи: одинаковые учёные мужи с постными выражениями лиц, начинающими седеть волосами и равнодушными взглядами. На их фоне выделялись трое мужчин, два профессора и ректор.

Ректор, несмотря на свой возраст, был очень бодрым и живым человеком. Разговаривая, он ярко жестикуюлировал, порой позволяя себе коснуться чьего-то плеча. Старые преподаватели относились к этому со смирением, рука об руку следовавшим с привычкой. Молодые иногда вздрагивали, но вымучивали вежливые улыбки. Я же гадала, что пробуждало в ректоре подобную непосредственность: то ли высокий пост, на котором можно позволить себе не обращать внимания на других людей, то ли природная эксцентричность. Что бы то ни было, он вызывал во мне исключительно тёплые чувства.

Второй заметный мужчина, наоборот, казался холодным и мрачным. Судя по тонким серебряным полосам, расчерчивающим его робу, это был один из деканов – но не ясно, алхимического или астрологического факультета. На вид он был моложе своих коллег лет на десять, но по поведению мало от них отличался, был таким же скупым на движения и проявления чувств. Лицо его, очень рельефное, было будто вытесано из камня – его можно было бы назвать красивым, не будь оно омрачено профессорской строгостью.

Наконец, был за преподавательским столом ещё один человек, обращавший на себя внимание. Он выделялся своей молодостью – я бы не дала ему больше тридцати, что для преподавателя очень и очень мало. И вот уж кто точно вёл себя на свои годы! Он явно легко общался с ректором, постоянно то усмехался, то ухмылялся, говорил громче всех за столом – даже до меня порой долетал его голос. А ещё он единственный позволил себе нарушить правила, касающиеся одежды: его чёрная роба была небрежно распахнута, под ней виднелась обыкновенная белая рубашка с нахально не застёгнутым воротничком. Эта деталь особенно раздражала мисс Бендикот – бедняжка то и дело вздрагивала, когда преподаватель повышал голос, и каждый раз неодобрительно смотрела именно на его открытое горло. Было бы в её взгляде чуть больше раздражения, и можно было бы подумать, что она мечтает его задушить!

– Бекки, – окликнула я, на мгновенье замывшись. – А на кого это смотрит наша мисс Бендикот?

– Ммм, – та нехотя отвела взгляд от Йорека. – О, это профессор Харди! Ты с ним скоро познакомишься, он даёт занятия по основам алхимии для всех студентов первого курса. Он славный – единственный здесь не считает нас слабоумными только из-за того, что мы носим юбки.

Почему-то я поверила ей сразу. Профессор Харди выглядел как человек, готовый воспринимать все новые веяния, пускай даже суффражистские. Наверняка с ним будет приятно иметь дело.

Вдруг он встал. Встали и остальные преподаватели, следом – ученики. Запоздало я поняла, что это немой знак заканчивать трапезу, и тоже поспешила выбраться из-за стола. Хотела было выйти, но Глория цепко ухватила меня за рукав:

– Сначала преподаватели, потом – мы.

И действительно, никто не сдвинулся с места, пока меж столов с важным видом не прошли профессора. Остались лишь трое: мисс Бендикот и два декана с серебряными нашивками – они, видимо, должны были сопроводить нас до спален.

– Девушки, – мисс Бендикот кивнула нам, – идёмте.

Путь между столовой и дамской гостиной я не запомнила ни с первого, ни со второго раза. Такие беды с памятью должны были послужить мне сигналом: не стоило предпринимать никакие авантюры в первый же вечер, не изучив толком академию. Но я всегда плохо воспринимала сигналы, поступавшие от разумной части моего сознания.

Так что, когда после коротких посиделок в гостиной все принялись разбредаться по спальням, я осталась, сославшись на бессонницу. Глория посетовала, что не прихватила с собой любимых сонных капель, и пообещала с утра же отвести меня за ними в лазарет – а после наконец-то меня оставила. Она продержалась дольше остальных девушек, начавших зевать, едва мы вернулись с ужина.

Мне же только и нужно было, что остаться одной.

Убедившись, что никто не спешит возвращаться, я рванула к двери из гостиной. На пробу дёрнула ручку – увы, мы были надёжно заперты. Тщательное изучение замка тоже не дало почвы для размышлений: я не была всемирно известным детективом или хотя бы захудалым вором и не умела пользоваться отмычками. Этот путь был для меня закрыт.

Но я была уверена, что из комнаты должен был существовать другой выход. В гостиной должны были убираться слуги, а они не сновали туда-сюда по общим коридорам – это я как раз успела заметить. Значит, существовали другие проходы, надёжно спрятанные за толстыми стенами. И были двери, невидимые только с первого взгляда.

Я принялась искать потайной проход с дотошностью, которой мог бы позавидовать любой учёный. Медленно, осторожно я простукивала каждую стену – начала с той, что была справа от двери, затем переключилась на ту, что напротив. И расплылась в улыбке, когда стенка ответила на стук глухим, пустым звуком.

– Ага! – шёпотом возликовала я, и разве что не подпрыгнула на месте.

Понять, как открывается служебная дверь, было нетрудно. Это был не потайной ход, поэтому с ним не мудрили – хватило одного нажатия на полотно. Подцепив приоткрывшуюся створку, я потянула её на себя и открыла проход во тьму.

Проход, из которого на меня недоумённо смотрел лохматый мальчишка-слуга.

Глава четвёртая, в которой мисс Имельда Браун совершает судьбоносную ошибку

Сердце моё попыталось выскочить из груди от ужаса: вот сейчас он окликнет кого-то постарше, мою вылазку обнаружат и я в первый же день обучения вылечу из академии с невиданным позором. Мигом представив выражение лица маменьки в момент, когда она ознакомится с этой новостью, я отмерла и сделала первое, что пришло в голову.

Зажав парнишке рот, толкнула его в тёмный коридор и прижала к стене – благо, он удивился так, что я смогла всё это проделать.

Некоторое время мы оба стояли молча, пытаюсь, видимо, сообразить, как выйти из ситуации с наименьшим уроном. Слуга не пытался вырваться, хотя взгляд его бегал из стороны в сторону, будто старался найти шанс на спасение на стенах тёмного коридора. Я же вдруг поняла, что в коридоре недостаточно темно: распахнутая настежь тайная дверь впускала внутрь холодный лунный свет и повышала мои шансы быть обнаруженной. Подумав об этом, я свободной рукой потянула дверь на себя.

Этого оказалось достаточно, чтобы потерять преимущество.

Когда дверь закрылась, и мы погрузились в кромешную тьму, я неожиданно ощутила прикосновение к своему запястью. И была настолько этим ошарашена, что не сопротивлялась – послушно отвела руку от лица слуги, отступила в сторону. Вмиг вспомнила о приличиях и осознала, что оказалась в тесном пространстве мало того, что с юношей, так ещё и явно не моего круга. Кто знает, что могло прийти ему в голову!

Судя по всему, этому юноше пришло в голову то же самое, что и мне:

– Не бойся, – я услышала сначала голос в темноте, а потом какой-то шорох. – Сейчас, я нащупаю свечу.

Что-то коснулось моей юбки – то ли рука, то ли склонившаяся к полу макушка. Я вжалась в стену сильнее, и это от него не укрылось. До меня донёсся звук, подозрительно похожий на смешок, а за ним:

– Извини.

Только тут я сообразила, что он обращался ко мне на «ты». Ужасная фамильярность со стороны слуги, которой было бы впору возмутиться – разумеется, если бы я сама до этого практически не прижималась к нему, пускай и исключительно в целях безопасности!

Нет, не так я представляла себе первый день в академии.

– Ага, достал, – снова шорох, снова прикосновение к юбке, а затем – долгожданное чирканье спички.

Маленький огонёк ослепил меня, пронёсся перед моим носом, а потом превратился ярко и весело полыхающий фитиль свечи. В его свете слуга выглядел загадочным заговорщиком – и вскоре я убедилась, что это впечатление было далеко не таким уж обманчивым.

– Итак, мисс?.. – он выразительно поглядел на меня, вынуждая разлепить пересохшие губы.

– Браун, – зачем-то сказала я правду, и тут же мысленно укорила себя: сама же дала оружие в руки! Но отступить было поздно и я, чувствуя, что выкапываю собственную могилу, продолжила, – мисс Имельда Браун.

– Фред, – слуга фамилию называть не стал. – Итак, мисс Браун, что же вы делаете в столь поздний час в столь неподходящем месте?

– У меня разболелась голова, и я хотела позвать слугу, чтобы он принёс мне лекарство? – соврала я первое, что пришло в голову, но так неуверенно, что не нужно было даже стараться, чтобы распознать ложь.

– Леди, чтобы вызвать слугу, звонят в колокольчик, а не лезут в тёмный страшный служебный коридор, в котором наверняка водятся пауки или крысы. Или пауки и крысы, – он ухмыльнулся, в изменчивом свете показавшись маленьким дьяволёнком. Но я тоже не лыком шита:

– Нет тут пауков! Иначе они были бы по всему дому, а этого бы уже не допустили ни деканы, ни ректор, ни мисс Бендикот. Особенно мисс Бендикот.

Ухмылка стала только шире:

– А ты умная, мисс Браун. Пожалуй, я не буду раскрывать твой секрет.

– Тебе бы и так никто не поверил, – скрестила я руки на груди.

– Неужто? Думаешь, твоя мисс Бендикот такая дура, что не догадалась бы, к кому ты решила сбежать?

– Ни к кому я не сбегаю, – буркнула я.

Конечно же, неубедительно.

– Да ну? И кто же этот «никто»? Какой-нибудь красавчик-второкурсник? Или вообще жених? Скорее жених, да? Ты же новенькая, познакомиться ни с кем не успела. Значит, тут есть кто-то, кто тебя знает. А на мужской части академии это может быть только жених или брат. Вот только к братьям так не бегают, уж поверь мне.

Какой отвратительно догадливый и неглупый слуга!

– Только не надо ненавидеть меня лишь за то, что ты не умеешь врать.

– Я умею! – вскинулась я, и тут же пожалела об этом.

Взгляд слуги – как там его зовут, Фред? – говорил красноречивее слов.

– Да уж, не повезло бы тебе, встретить ты тут кого-то другого.

– А с тобой, что ли, повезло?

– Ещё бы! – он ухмыльнулся. – Я не только ничего никому не скажу, я ещё и помогу тебе с твоим женишком!

Я поглядела с сомнением – Фред меньше всего был похож на альтруиста. Что ж, он и не пытался долго им притворяться:

– За достойную плату, конечно.

В целом, это был неплохой вариант. Я дала бы ему свои карманные деньги, он бы забыл этот вечер – предварительно организовав нам с Дерекком свидание, естественно. Но была в плане одна загвоздка:

– У меня нет денег.

На этот раз пришёл его черёд глядеть на меня скептически.

– Это *академия*, – я закатила глаза. – Здесь нам выдают форму, учебники, писчие принадлежности, кормят и водят в театры. Всё уже оплачено – зачем мне ещё какие-то деньги?

– На платья?

– Форма, помнишь? Мы носим форму.

Я выразительно указала на себя, одетую в эту самую форму.

– Могу дать разве что драгоценности.

– Нет уж, – он отказался на удивление прытко. – Потом ты скажешь, что твои любимые серёжки пропали, всю академию поднимут на уши, серёжки найдут у меня – и меня очень быстро отсюда турнут. Тебе, конечно, здорово: со мной исчезнет твоя проблема. Но я не такой дурак, чтобы на это подписываться.

Чёрт, а я о таком плане и не подумала! Даже обидно.

– И что мы тогда будем делать? Будешь молчать бесплатно? – без особой надежды поинтересовалась я.

– Ещё чего, – он фыркнул. – Расплатишься по-другому.

– Как? – мигом в мыслях всплыл разговор за обеденным столом.

Видимо, что-то промелькнуло на моём лице: слуга коротко рассмеялся, покачал головой.

– Нет, принцесса, не *так*. Дашь мне пару уроков?

– Чего? – я сама-то толком ничего не умела.

– Манер, – он улыбнулся так, словно знал, какой это произведёт эффект. – Расскажешь про эту кучу вилок и ножей на столе, про правила поведения, обращения, ваши дурацкие танцы...

– Почему это танцы дурацкие?!

– Рад, что только это тебя волнует.

– Не только это, – мне не понравился тон, с каким он это сказал: будто уже записал меня в разряд наивных, глупых девиц, к которым я решительно отказывалась себя приписывать. – Зачем тебе эти уроки?

– Ответ на этот вопрос стоит дороже моей помощи и молчания.

Впервые я посмотрела на него с подлинным интересом. Словно в нём было что-то больше дурного происхождения, невероятной наглости и острого языка. Да, в нём была *тайна*.

– По рукам, – ещё не успев принять окончательное решение, я протянула ему ладонь.

Он склонил голову набок, будто тоже увидел что-то новое во мне благодаря этому жесту. Взгляд из насмешливого стал внимательным, изучающим – от такого захотелось передёрнуть плечами.

– По рукам, – медленно кивнул он, я сжал мои пальцы.

Рукопожатие вышло совсем коротким, длилось долю секунды, но я всё равно успела почувствовать и тепло его кожи, и шероховатые мозоли на ладони и кончиках пальцев. Когда он отпустил мою руку, ей вдруг стало пусто и холодно – так, что я невольно сжала и разжала кулак.

– Итак, как ты можешь мне помочь?

– Сразу к делу? Уважаю твой подход, мисс Браун!

Говорил ли он искренне или в насмешку? Так и не скажешь.

– Для начала, дам совет: не лезь в служебный коридор сразу после отбоя и вообще раньше трёх часов ночи. Когда вы, великосветские создания, ложитесь спать, мы выходим из своих норок, чтобы прибраться за вами. Народу в этих коридорах сейчас больше, чем в вашей столовой во время ужина.

Стоило ему это сказать, и мне послышался какой-то шум в темноте.

– Не волнуйся, я вышел чуть раньше положенного. Хотел поживиться пирожными, которые вы, принцессы, всегда забываете.

– Ты же в курсе, что здесь нет принцесс?

– Да, но с принцессами проще всего сравнивать себя нищим.

Это что, намёк на Марка Твена? Нет, не может быть!

– И что, ты правда ворует недоеденные пирожные? – отгоняя от себя догадки, явно не соответствующие истине, поинтересовалась я.

– Мне приятно, что ты в этом усомнилась! – в глазах его заплясали весёлые искорки – или отразился дрожащий огонёк свечи? – Нет, недоеденные не трогаю. Но ваша староста вообще не ест сладкое, если ты не заметила.

– У нас нет старосты, – заметила я, поражённая, что он так много знает об устройстве жизни в дамской гостиной.

– Официально, может, и нет, – лукаво улыбнулся он.

И вдруг посерьёзней, повернув голову будто на звук.

– А вот теперь нам и впрямь нужно поторопиться, принцесса, – проговорил он, не отворачиваясь от тёмного и, я надеялась, пока ещё пустого коридора. – Я найду тебя завтра.

– Что? – прежде, чем я сообразила, он шагнул в темноту. – Стой! Что это значит: «Я тебя найду»? Где, как?

– Не знаю, – он оглянулся, пожал плечами. – Что-нибудь придумаю. Мне же это теперь тоже нужно.

Я, как дура, стояла у выхода в гостиную, пока огонь свечи в его руках не превратился в едва заметную точку. Только после этого я почувствовала, что могу выйти из этого коридора обратно, в декорации нормальной жизни, которую я только что променяла, сама не знаю на что. На помощь? На авантюру? Или, как говаривал мистер Холмс, на шанс здорово повеселиться?

Заснуть я смогла только под утро.

Ночью же мои мысли вертелись вокруг загадочного Фреда – я пыталась понять, зачем ему нужно учиться манерам, из добрых намерений или из злых. Думала о том, почему он сам вызвался помочь мне: видит Бог, я могла согласиться обучать его и попросту за молчание. Гадала, не совершила ли ужасную ошибку, подписавшись на это – может, мне стоило утром же отправиться к мисс Бендикот, сказать, что я поймала слугу на краже пирожных, и избавиться от него?

Нет, конечно, я не могла оболгать его – не того, кто выбрал скрыть мою собственную вылазку, пускай и за плату. Словно бы, когда он решился на это, между нами образовалась тонкая, хрупкая связь. Равновесие, которое могло нарушить любое отклонение от уговора и которое я обязана была всеми силами поддерживать.

Первая же трудность на этом пути возникла, когда Мэриан пришлось трясти меня за плечо, чтобы заставить проснуться. Я была слишком вялой и усталой, чтобы девушки не обратили на это внимание. Но если Глория и Мэриан обеспокоились моим здоровьем, то Эмили (а с ней, возможно, Джози и Бекки) заподозрила неладное.

– Во сколько ты вчера легла спать? – поинтересовалась она, когда я всё же, зевая, доползла до ванной комнаты. – Я помню, ты задержалась в гостиной.

– Долго читала, – пробубнила я, будто это было ответом.

Эмили и Джози, стоявшие в это время у раковин по соседству, переглянулись. Да, я вела себя странно и придумала глупую отговорку – но посмотрела бы я на них после такой ночи!

Хотя сейчас смотреть ни на кого не хотелось, так что я поспешила склониться над крапом и плеснуть в лицо тёплой воды. Умывание всегда помогало мне проснуться – настолько, насколько это было возможным.

Помогло и сейчас: когда пришла пора отправляться на завтрак, я выглядела чуточку серее обычного, но это можно было списать на волнение перед первыми занятиями. Оно, кстати, было: всё-таки я не имела ни малейшего понятия об астрологии, которую приехала изучать.

– Не волнуйся: курс назначен на изучение с нуля, – попыталась успокоить меня Глория, с которой я поделилась своими волнениями – теми, что могла поделиться. – Первую пару недель вам будут объяснять, во что вы ввязались, всё разложат по полочкам...

– И попытаются отговорить, – не отвлекаясь от завтрака, веско добавила Дороти. – Что? Я всего лишь готовлю их к реальности!

– Она права, Глори, – вклинилась Бекки. – Нужно быть готовыми к тому, что почти все профессора начнут говорить: наука не для женщин, женщина должна быть матерью и хранительницей очага, науку звёзд женщине не постичь...

Кажется, она кого-то пародировала, причём похоже – даже Глория прыснула. Но тут же соорудила строгую мину:

– Бекки, хватит. А если кто-то услышит?

– Тогда мне влетит, – обезоруживающе ответила та, но, кажется, её не особенно это волновало. И через мгновение я поняла, почему, так как Бекки добавила, – В очередной раз.

Что ж, мне стоило догадаться, что она бунтарка.

– Вот именно, – кажется, между Бекки и Глорией продолжался извечный спор. – Ещё пара таких раз, и они не ограничатся тем, что напишут твоему отцу. Тебя могут отчислить, Бекки.

– Вряд ли. Ты знаешь, сколько родители платят за наше обучение?

Глория, видимо, знала, потому что тут же умолкла. Дороти, на этот раз сидевшая рядом со мной, аккуратно ткнула меня локтем, привлекая внимание:

– Не волнуйся, это у них так выражаются самые тёплые отношения. Глории нужно о ком-то заботиться, а Бекки – бунтовать, как подросток. Они прямо *нашли друг друга*. Какие странные облики порой принимает дружба!

Да уж. Я перевела взгляд на Нику и Джози, которые тоже спелись, но совсем иначе. Они не спорили о поведении, манерах, образе жизни, и обсуждали только науку. Даже сейчас склонились над каким-то фолиантом, негромко бормоча что-то друг другу на ушко. Мисс Бендикот, которая явно не одобряла подобное поведение за завтраком, недовольно качала головой, но помалкивала. То ли не хотела привлекать взгляды к девочкам, то ли думала, что ради учёбы отклонения от правил простительны.

– А с кем ты дружишь, Дороти?

– Ни с кем, – она дёрнула плечиком. – Или со всеми. С тобой, например.

Я бы не назвала нас друзьями, не через сутки после знакомства. Но Дороти мне нравилась: мне была близка её молчаливость и сдержанность. Она не была в центре внимания, как Бекки и Эмили, не казалась помешанной на науке, как Ника и Джози, не пыталась стать для всех матерью, как Глория. Пожалуй, из всех девочек Дороти напоминала мне Мэриан: та тоже была спокойная, тихая, пусть и по-другому – мечтательно.

Даже сейчас Мэриан витала в облаках. Вилка в её руках описывала мерные круги над тарелкой, не касаясь еды, взгляд же Мэриан рассеянно блуждал, ни на ком толком не останавливаясь. Можно было только гадать, какие мысли поглотили её настолько, что, когда завтрак закончился, её пришлось подталкивать, чтобы очнулась.

– Эй, не тычь меня, – прошипела она, когда Джози повторно попыталась привести её в чувства. – Я думаю, а не сплю, если ты понимаешь разницу.

– Я-то как раз понимаю, – усмехнулась Джози, чем заработала испепеляющий взгляд через плечо.

Кто знает, во что это могло бы вылиться, не торопись мы на первое в своей жизни занятие по астрологии. Оно обещало быть неожиданным – хотя бы потому, что вопреки моим предположениям, проходило не в башне, а в обычном кабинете на первом этаже. Какие звёзды оттуда можно увидеть? Хотя, о чём это я – будто звёзды можно увидеть днём.

– Добро пожаловать, леди. Добро пожаловать, джентльмены.

Преподавателем истории астрологии оказался невысокий старичок, казалось, согнувшийся под тяжестью своих знаний. Он представился профессором Теодором Айсли – при звуках этого имени некоторые юноши взволнованно переглянулись, будто это был кто-то особенный. Мы с Эмили, севшей со мной за одну парту, переглянулись недоумённо.

– Да-да, – профессор покивал, неуклюже пряча улыбку. – Тот самый профессор Теодор Айсли, первым выпустивший современный перевод «Четверокнижия» Птолемея: до тех пор, как вы наверняка знаете, он существовал лишь на латыни и в оригинале, то есть на древнегреческом языке. Многие полагают, что с этого момента и началось возрождение и, не побоюсь этого слова, восхождение астрологии. Однако я на себя такую ответственность, конечно, не беру.

Каждому в аудитории было ясно, что скромность его напускная. Профессор Айсли подтвердил это неоднократно: давая экскурс в историю астрологии, он коротко и без особого интереса рассказал нам об опыте учёных Месопотамии и Египта – но надолго задержался на Древней Греции. И всякий раз, упоминая Клавдия Птолемея с его трудами, профессор само-

довольно поглядывал в класс, будто спрашивал: помните, да, кто его перевёл? Знали бы вы, как хотелось выкрикнуть на всю аудиторию, что мы уже осознали всю степень его величия и готовы перейти к следующей теме!

Правда, не думаю, что профессора Айсли интересовало наше мнение – и под «нашим» я подразумеваю мнение девушек. Он практически не смотрел на нас, обращаясь к одним лишь юношам, ища в них понимания и восхищения. Сначала я не придавала этому значения, но когда он начал задавать вопросы исключительно студентам мужского пола... Что ж, я живо вспомнила слова Бекки и порадовалась, что этот профессор по крайней мере не говорит нам в лицо всё, что о нас думает.

Таковыми были не все. Профессор Фишер, встретивший нас на вводном занятии по натальной астрологии, не стеснялся задавать девушкам вопросы – и подчёркивать каждую сделанную ошибку. Нет, ну скажите на милость, откуда я должна в начале первого же урока взять определение генитурь?!

– Так-так, – когда я честно призналась в своём неведении, Фишер (называть его профессором в мыслях я просто отказываюсь) удовлетворённо покачал головой, точно радовался оплошности и предоставленной ему возможности поглумиться. – А может, вы знаете, сколько домов существует в каждом гороскопе?

Я сделала вид, что задумалась над ответом, но на самом деле размышляла, что хуже: сказать, что не знаю, или попытаться дать хоть какой-то ответ. Что ж, первый вариант я уже пробовала...

– Девять? – я помнила, что дома как-то связаны с планетами, и решила попросту сосчитать их количество.

По лицемерно сочувственной улыбке Фишера сразу стало понятно: зря.

– Не думал, что когда-нибудь такое встречу, – он повернулся к студентам-юношам, будто предлагая вместе с ним оценить диковинку. – Оказывается, в наш просвещённый век есть люди, которые не знают, сколько знаков числится в Зодиаке!

Эй, но он же не так спросил!

– Но мы не должны быть суровы, – неожиданно Фишер пресёк нерешительные мальчишеские смешки. – Всё же эта юная леди осознала своё невежество и решила устранить его, обратившись за нашей помощью. Правда, при этом отняла место у более многомудрых юношей, которым обучение в сих стенах явно больше пошло на пользу...

К лицу прилил жар, порождённый одновременно раздражением и... да, стыдом. Уставившись в стол, я с ужасом понимала, что он прав. Я поступила сюда совсем не ради науки, и я заняла место —не юноши, конечно, но какой-нибудь девушки с горящими глазами, которая бы точно подготовилась к своим первым занятиям. А не рассчитывать чёрт знает на что.

– Садитесь, мисс... – закончив втапывать меня, а заодно и других девушек, в грязь, Фишер милостиво махнул рукой.

– Браун, – подсказала я, тяжело опускаясь на стул.

Теперь я была уверена, что надолго в этих стенах не задержусь. До конца семестра разберусь с этой проклятой совместимостью, заручусь поддержкой Дерека – и на этом всё.

Глава пятая, в которой милостивая леди даёт первый ценный урок неблагодарному чурбану

– Ты ведь понимаешь, что он не прав?

Эмили, оказывается, заметила моё смятение. Во время занятия она ничего не сказала, разумно решив не привлекать внимания, но после поймала меня в дверях класса и отвела в сторону прежде, чем я отправилась на обед.

– Фишер... – Эмили оглянулась, опасаясь быть услышанной, но профессор не спешил выходить из кабинета. – Он чёртов консерватор, который не может понять, что мир меняется. Но он может держаться за прошлое, сколько хочет ведь будущее уже здесь.

Под будущим она имела в виду нас: себя и меня, одними из первых, перешагнувших порог академии. Но она не знала, зачем пришла я.

– Ты не понимаешь, – покачала я головой.

– Думаешь? – глаза Эмили сузились. – Правда думаешь, что только тебе тяжело? Мой отец *отрёкся* от меня, когда я примкнула к суфражисткам. Моё обучение оплачивает тётя – мне повезло, что она достаточно богата для этого, иначе... не знаю, мне пришлось бы работать на спичечной фабрике.

По моим рукам пробежали мурашки. Все знали, *что* случается с девушками с фабрик.

– С тех пор, как прошла вступительные испытания, я каждый день думаю о том, что не имею права вылететь отсюда. Только если я продержусь эти четыре года, только если получу диплом, я смогу оплатить своей тёте. Видит Бог, если бы не это, я много, очень много сказала бы этому...

– Эмили, – я прервала её, опасаясь, что кто-то услышит лишнее. – Эмили, прости, я не подумала...

– Знаю, – она была достаточно сурова, чтобы не кинуться утешать меня и оправдывать. – Просто помни, что тут тяжело каждой девушке. Мы просто не знаем их истории.

«А ты не знаешь мою», – промелькнуло в мыслях. Мне так хотелось сказать ей правду! Во мне тлела надежда, что Эмили сможет встать на мою сторону, пускай и столь далёкую для её понимания, поможет мне обрести под ногами твердь. Но куда вероятнее, что она согласилась бы с Фишером в том, что я занимаю место более достойной студентки или студента.

– Идём. Девочки нас потеряют.

– Я... не думаю, что я голодна.

– Что? – Эмили, успевшая сделать пару шагов, обернулась. – Только не говори, что сейчас побежишь в свою спальню плакать в подушку из-за того, что я тут сказала.

– Нет! – кажется, мой быстрый ответ её убедил: морщинка меж бровей разгладилась, губы тронула мягкая улыбка.

– Хорошо. Я сказала это не для того, чтобы тебя расстроить. Просто подумала, тебе будет полезно почувствовать себя не одной в этой лодке, – она протянула мне руку.

– Но что, если... – вырвалось у меня. – Что, если моя причина находиться здесь не такая серьёзная, как у тебя?

– Всё ещё думаешь о том, что якобы занимаешь чьё-то место? – догадалась Эмили. – Зря. У нас в этом году недобор. Глории по секрету мисс Бендикот рассказала.

Камень на моей душе не упал, но стал чуточку легче.

– Уверена, что не голодна?

– Уже нет, – призналась я, благодарная Эмили за смену темы.

В столовую мы отправились бок о бок, будто подруги. Как много открытий за день! С утра я думала, будто сблизиться за один день невозможно, но обнаружилось, что всё зависит от обстоятельств. Глория и Эмили были правы: наши обстоятельства толкали держаться вместе.

– Вы задержались, – приветствовала нас Бекки.

Все девушки уже сидели за столом, да и практически все остальные студенты тоже. Отстали немногие: мы с Эмили, умудрившиеся заблудиться в прямых коридорах мальчишки с нашего курса да группа юношей постарше. Последние вошли даже позже нас, но под взглядами приступивших к обеду вовсе не стушевались – наоборот, будто нарочно замедлились, прошествовали гордо.

«Зазнайки», – пренебрежительно подумала я. А потом заметила среди них знакомый профиль. Дерек Лонгсдейл, будущий барон Гастингс наконец-то попался мне на глаза.

Он оказался и похож, и не похож на миниатюрный портрет, припрятанный под подушкой в моей спальне. Художнику удалось передать его черты лица, вплоть до очаровательной ямочки на подбородке, но не его выражение. С картины Дерек смотрел не дружелюбно, но спокойно, сдержанно, с достоинством. Сейчас он поглядел на меня свысока, будто я была просто пялившейся на него малолеткой. *Он меня не узнал.*

Мой жених, мой сказочный принц прошёл мимо, едва бросив на меня мимолётный взгляд, а я осталась смотреть ему вслед с разинутым ртом.

– Ты пялишься, – заметила Бекки со свойственной ей непосредственностью.

– Не обращай на них внимания, – посоветовала Глория. – Они того не стоят.

– Почему? – с трудом оторвав взгляд от столика, за который опустил Дерек, спросила я. Надеюсь, вопрос показался невинным.

– Потому что это компания бестолковых болванов, вот почему, – фыркнула Бекки. – Говорят, они с трудом прошли вступительные испытания и остались лишь потому, что их родители заплатили за ремонт крыши. Да и пошли-то сюда только из-за родителей: не похоже, чтобы их хоть сколько-то интересовала алхимия.

Нет. Нет, она ошибалась. Я читала письма, мамёнке сообщали, что Дерек делает успехи в науках...

– С чего ты это взяла? – прозвучало резко, слишком резко.

Бекки оторвала взгляд от обеда и наконец посмотрела на меня.

– Я проучилась с ними рядом весь прошлый год. И, кто бы из них не привлёк твой взгляд, поверь – он того не стоит. Если, конечно, тебя не интересуют глупые мальчишки, считающие, что их пол и деньги отцов делают их лучше нас: меня, Глории, Дороти, тебя.

Плохой день: ещё не перевалило за полдень, а я уже дважды задела кого-то из девочек. Бекки, похоже, сильней.

– Прости, я не хотела тебя обидеть, – склонила я голову. – Просто... просто я знала одного из них в детстве.

– Люди меняются, – примирительно произнесла Глория. – Уверена, он бы тоже тебя не узнал, если бы вы попытались заговорить.

Он и так меня не узнал. Похоже, я одна хранила все портреты, что мне присылали. Я одна разглядывала их и берегла.

– Я не обижаюсь на тебя, – по-своему поняв мою мрачность, произнесла Бекки. – Ты просто не успела познакомиться с ними поближе. Это нормально – верить в людей. Значит, ты очень и очень добра.

Не знаю, что она хотела сказать на самом деле, но точно не «добра». Может, «глупа»? Может, «наивна»? Ведь всё это было куда большей правдой.

– Поешь, а то всё остынет.

Я посмотрела на цыплёнка в своей тарелке. Аппетит, и без того испортившийся после занятия с мистером Фишером, совсем пропал.

– Эй, Мели! Мели! – я не сразу поняла, что Джози обращается ко мне.

Она привстала на стуле, грубо перегнулась через стол, чтобы иметь возможность перешёптываться со мной. Я уставилась на неё непонимающе: о чём таком сокровенном она вдруг решила со мной поговорить?

– А на тебя этот староста, Йорек смотрит.

Невольно я бросила взгляд за её плечо – и покраснела. Не знаю, как Джози узнала это, сидя спиной к столу юношей, но она была права. Староста, по которому столь откровенно вздыхала Бекки, смотрел прямо на меня и не скрывал этого. А заметив, что я смотрю в ответ, неожиданно улыбнулся и приподнял кружку в знак приветствия.

Я тут же согнулась над тарелкой, надеясь стать как можно более незаметной. Смеющуюся Джози изо всех сил захотелось удавить.

– Зачем ты это сказала? – шипеть пришлось громко: нарушительница моего спокойствия уже села на место.

Та пожала плечами, не продолжая хитро улыбаться. Злясь на неё и прежде всего на себя – за то, что посмотрела на северянина, – я с силой насадила кусок птичьего мяса на вилку и отправила его в рот. Только когда мои зубы сомкнулись, я осознала: аппетит вернулся. Неужели Джози просто пыталась меня отвлечь?

Я осторожно подняла взгляд, но сокурсница не обратила на меня внимания. Тогда я покосилась на Бекки: не расстроили ли её мои переглядывания с мистером Йорексом с непроизносимой фамилией. Она поймала мой взгляд и коротко кивнула, но что это значит, я так и не поняла.

– Вы позволите, мисс? – от неосторожного вопроса меня спасла появившаяся за плечом служанка.

– О, эм... – я замялась, поскольку так и не успела толком поесть. Но задерживать девушку с явно тяжёлым подносом десертов не хотелось, и я кивнула. – Да, забирайте, конечно.

Тарелка с цыплёнком сменилась на блюде со слоёным пирожным, вилка – на маленькую десертную ложечку, зачем-то обёрнутую в салфетку. Вдохнув, я принялась её разматывать и собиралась уже отбросить в сторону, когда заметила на обороте мелкие буквы.

«После обеда в оранжерее. Ф».

Осознав, что это и от кого, я поспешно скомкала записку в кулачке и осторожно поглядела по сторонам: на моё счастье, никто из соседок ничего не заметил. Но на всякий случай я не выпускала бумажку из рук ни за десертом, ни позже – до тех самых пор, пока мы не пересекли порог дамской гостиной, где я смогла исподтишка бросить её в гостеприимно горящий камин. Ровно за мгновение до того, как ко мне подошла Глория:

– Сейчас у нас свободное время. У вас больше занятий сегодня не будет: первокурсников поначалу щадят. Но у нас с девочками свободен лишь час. Я подумала, ты будешь не против, если я проведу тебе небольшую экскурсию? Мисс Бендикот просила показать тебе всё ещё утром, но...

...я проспала.

– ...всё так завертелось, что я забыла, – что это: вежливость или она и вправду забыла? – Я думаю, мы быстро уложимся: на самом деле, в самой академии не так много интересного.

– А что насчёт оранжерей? – я придумывала ложь на ходу. – Я слышала, как мисс Бендикот про неё с кем-то разговаривала.

– Да, оранжерея есть. Но я не уверена, что тебе там понравится: вместо красивых цветов там растят алхимические ингредиенты. Есть и цветущие, конечно, но...

– Я просто люблю природу, – это, кстати, близко к правде. – Мне нравится зелень вне зависимости от того, цветёт она или нет.

– О, конечно, я не имела в виду, что тебе не может не нравиться... – Глория заговаривалась и сама это поняла. – В любом случае: я, конечно, покажу тебе оранжерею. Но она в другом конце здания, так что, наверное, оставить её на конец экскурсии.

– Так даже лучше, – согласилась я и добавила, снимая возможные подозрения. – Сладкое ведь всегда оставляют напоследок.

Глория улыбнулась. Шалость удалась.

На самом деле, показывать в академии было особенно нечего. Она находилась в бывшем особняке, построенном каким-то разорившимся аристократом, и я могла ориентироваться в ней интуитивно. Главное запомнить, что гостевые комнаты превратились в спальни студенток, хозяйские – в спальни студентов, а голубые, розовые, изумрудные гостиные – в кабинеты, где хозяйничали профессора.

– Это бальная зала, – передо мной открылась самая большая из дверей, находившихся в этом здании.

Зала выглядела именно так, как я могла бы её представить: просторная овальная комната с высоким потолком, роскошной люстрой с цепочками поблёскивающих кристалликов и превосходным паркетом. Пожалуй, это было самое красивое место, какое только я увидела в академии. Даже в полумраке, без звуков музыки и шороха юбок, оно внушало какой-то внутренний трепет – будто кремовые стены хранили отголоски слухов, которые шёпотом рассказывали оставшиеся без пары девушки и приглядывающие за ними преподаватели. Сколько секретов они слышали?

– И через неё как раз можно попасть в оранжерею, – дав мне возможность оглядеться, Глория прервала чуть затянувшуюся паузу и перешагнула порог.

Наши шаги эхом отдавались в пустой зале, складываясь в моей голове в вальсовый ритм. Пока мы шли, я подсчитала: чтобы преодолеть всю комнату, потребовалось бы одиннадцать вальсовых квадратов – хотя, это насколько размашисто танцевать.

– Ещё в оранжерею можно пройти из столовой и лаборатории, но в столовой двери на улицу открывают только в дни, свободные от обучения, а в лаборатории не открывают совсем: небезопасно.

Почему это не безопасно, я спросить не успела. Глория толкнула белую дверь, единственную украшенную стёклами, и моему взору предстало зрелище самой странной оранжереи в мире.

Первое слово, которое пришло мне в голову – хаос. Я будто оказалась в африканских непроходимых джунглях. Здесь не было клумб в нормальном понимании этого слова, деревья и кустарники росли словно бы вперемешку, и никто не думал о том, чтобы своевременно обрезать их ветви. Маменька упала бы в обморок от столь неухоженного, безумного места, я же с удивлением поняла, что мне нравится.

Как и во всех оранжереях, воздух здесь был настолько тяжёлым и влажным, что едва не оседал капельками на коже. Любым движением ты задевал листья, вызывая волну шелеста – будто ветер мог бы сюда пробраться. А пройдя чуть глубже и свернув голову, мог замереть в изумлении, потому что наткнулся на настоящее озеро или, вернее сказать, на зеленоватое болото с чудом живущими на нём кувшинками.

– Я предупреждала, – заметила выражение моего лица Глория.

– Нет, – я покачала головой, отводя от воды зачарованный взгляд. – Нет, всё не так, как ты подумала. Если честно, я в восторге от этого места!

Ему не хватало разве что жизни. Стрёкота кузнечиков, заливающих трелями птиц, заплутавших в деревьях кроликов или других мелких животных. Без них лес – назвать это место оранжереей я не могла даже в мыслях – выглядел прекрасным, настоящим, но всё же безликим. Словно лишился маленькой, но значимой своей части.

– Я могу здесь остаться? – я обернулась.

Этот вопрос был в моих планах с самого начала, но я не думала, что мне удастся произвести его столь искренне. Да, мне нравилось наблюдать за природой, но природа в моём представлении заканчивалась бескрайними полями, вересковыми пустошами, а никак не тропическим лесом.

– О, боюсь... – Глория собиралась ответить отказом, но её прервал тяжёлый звук гонга, возвещавший скорое начало занятий.

Я мысленно вознесла благодарность богам: теперь Глория никак не успевала проводить меня до дамской гостиной и вовремя прийти к началу своих штудий. Она могла либо решиться на опоздание, либо отправить меня одну шататься по коридорам, либо оставить здесь.

– Обещаю никому не попадаться на глаза, – я нарисовала пальцем крестик в районе сердца.

Глория посмотрела на меня с сомнением. Однако гонг прогремел во второй раз.

– Я могу быть тихой, как мышка, – доверительно заглянула я ей в глаза.

И Глория сдалась. Веки её на мгновение сомкнулись в признании поражения, а потом она быстро глянула на меня, наказала не бродит по особняку почём зря и, подхватив юбки, едва ли не выбежала за дверь.

– Я уж думал, она никогда не уйдёт, – раздавшийся за спиной юношеский голос заставил меня вздрогнуть и обернуться.

Слуга – Фред, припомнила я его имя, – стоял в тени особенно высокого растения. Был ли он там раньше? Как давно пришёл? Подслушивал ли мой разговор с Глорией? Все вопросы оставались для меня без ответа.

– Я не могла просто так сюда прийти, а экскурсия по академии была хорошим поводом. Не мог выбрать место, куда студентке проще попасть?

– Тебе в любом случае пришлось бы объяснять остальным, куда и зачем ты идёшь. Было бы хуже, если бы ты просто испарилась.

Ладно, в этих словах был свой резон.

– Но почему именно оранжерея?

– Сюда никто не ходит кроме пары преподавателей, а в это время они обычно заняты. Здесь безопасно, тихо и красиво.

Надо же, от него тоже не укрылась атмосфера этого места.

– И чем мы будем заниматься? Чему я должна тебя учить?

– Всему, что считаешь нужным: от кучи вилок на вашем столе до того, как правильно обращаться ко всяким герцогам и маркизам. Представь, что я актёр, которому нужно сыграть какого-то лорда. Что бы ты мне посоветовала?

– Не так держать спину.

Слова вырвались сами, не потребовалось и мгновение на раздумье. От того же Дерека моего соучастника отличала прежде всего манера держаться. Да, у них обоих была идеальная осанка, но у Фреда – вымуштрованная, нарочитая, а у Дерека – естественная, привитая с раннего детства. Его не учили сохранять прямую спину, он сам невольно приосанивался, чувствуя своё особенное положение в обществе. Хотя, казалось бы, всего лишь барон.

– В смысле? – конечно, Фред не мог вот так сразу это понять.

– По тебе видно, что ты стараешься стоять правильно, – устало объяснила я. – Ты ведь сутулишься, когда расслабляешься, да?

От моих слов он напрягся только сильнее, скрестил руки на груди, защищаясь. Заметно, что ему не понравилось, когда разговор свернул в эту сторону: с нейтрального этикета на что-то личное, пускай даже и отдалённо. Пожалуй, в этом стремлении оградить частную жизнь он на аристократов как раз-таки очень похож.

– Ты недавно в услужении, верно? – просто догадка.

Фред не ответил, но по тому, как он отвёл взгляд в сторону, я сразу всё поняла. Опытные слуги не так пристально следят за собой, для них стоять прямо, быть сдержанными и безэмоциональными так же привычно, как для какого-нибудь лорда и леди. Последние обычно даже позволяют себе больше эмоций, ведь им это простительно.

– Со временем станет проще, – заверила я Фреда. – Выправка прививается с опытом, никак иначе я тебя ей не обучу.

– И какой тогда от тебя толк? – конечно, резкая фраза была просто защитой, но оттого мне было не менее больно её услышать.

Я поморщилась, в голове промелькнула: «Зачем я вообще в это ввязалась?» И, да, если бы уроками я расплачивалась только за помощь, пожалуй, в этот момент я бы отказалась от нашего странного сотрудничества. Но я помнила: ему есть, чем связать меня по рукам и ногам, а потому поджала губы, крепче упёрлась пятками в землю и заговорила строго и серьёзно, как мисс Бендикот или маменька, когда на меня сердилась.

– Аристократ так бы никогда не сказал.

– А как бы он сказал?

– Не показал бы обиду сразу, но запомнил бы. Выждал бы время, чтобы ударить исподтишка, но так, чтобы обидчик сразу понял, за что его наказали.

– Примеры будут?

– Конечно, – я улыбнулась. – Если бы ты меня обидел, я бы подождала, пока ты начнёшь мне помогать, выслушала бы тебя и низвела бы всю пользу твоих слов к минимуму. «Я и так знала про эти ваши секретные коридоры. Какой от тебя вообще прок?»

Последнюю фразу я произнесла нарочито пренебрежительно, а под конец фразы втянула щёки и закатила глаза. Немного карикатурно, но для примера сойдёт.

– Извини, я ляпнул, не подумав, – Фред воспринял мою игру всерьёз.

– Я сказала: *если бы* я обиделась, – ответила я, но внутри меня что-то сжалось: простоватый слуга читал меня, словно открытую книгу. На самом деле его тон мне совсем не понравился.

– Как скажешь, – он пожал плечами, словно ничуть не поверил моим словам. – Но это был хороший урок: теперь при разговоре с тобой я буду думать, прежде чем говорить. И буду бояться, что каждое неосторожное слово аукнется мне пару дней спустя.

– И оно ведь аукнется, – с деланной важностью кивнула я, вызывая улыбку. – И, раз уж ты по достоинству оценил наше маленькое занятие, скажи – когда мне ждать твоего урока?

– То есть, когда я проведу тебя к твоему женишку?

Я шикнула:

– Можно же не говорить об этом вслух!

– Да не волнуйся, – Фред легкомысленно отмахнулся. – Нас здесь никто не услышит.

Можно было только покачать головой на такую наивность:

– Вот для тебя второй урок: в мире аристократов никогда не знаешь, кто прячется за углом или подслушивает под дверь. Мы любим сплетни и слухи даже больше, чем слуги. Моя маменька, например, приезжая в гости первым делом спрашивает у горничной, что она слышала на кухне.

– Выходят, слуги всё-таки знают больше? – он усмехнулся.

– Да, – не было смысла это отрицать. – Но многое они рассказывают своим хозяевам. Никогда не стоит об этом забывать. *Никогда.*

Фред поднял руки: «Туше!», – прочитала я в этом жесте.

– Я учту, – вслух произнёс он. – Но понятия не имею, как зашифровать то, что этой ночью, когда все разойдутся, я могу разбудить тебя и показать путь к мужской гостиной.

Ладно, пожалуй, это и впрямь трудно завалировать.

– Хорошо, я буду ждать.

– Лучше постарайся перед этим выспаться. Ночные работы заканчиваются обычно в три часа ночи, а если ты не будешь спать до этого часа, то явишься к своему... – он помедлил, – ...другу в не самом лучшем виде.

– Я учту, – вслед за ним деловито кивнула я. – А когда пройдет наш с тобой следующий урок? И где? Я не могу всё время пропадать в оранжерее...

– Я что-нибудь придумаю, – заверил меня Фред.

Я сразу увидела: он понятия не имеет, что делать.

Глава шестая, в которой ночное приключение оборачивается нешуточной опасностью

Что ж, по крайней мере, он вывел меня из оранжереи незамеченной. Сама я бы не справилась: обязательно или наткнулась на кого-то из преподавателей, или попала на глаза мисс Бендикот или заплутала бы в тёмных коридорах, предназначенных для слуг. Фред сориентировался бы в последних, наверное, даже и без свечи. В неверном свете я заметила – всё время он касался пальцами левой стены, будто шёл наполовину наощупь, по выбоинам в старом камне. Вот он поймал щербинку, замедлился, притормозил у нужной двери:

– Ты выйдешь в начале коридора. Ближе – только в вашей гостиной, но вряд ли ты хочешь, чтобы твои подруги увидели, что ты снуёшь по коридорам для слуг, – я не видела, но была уверена, что он улыбнулся. – Старайся идти потише, чтобы не привлечь внимания преподавателей.

Ага – тихо, быстро, а лучше вообще не касаясь земли.

– Справлюсь, – буркнула я, протиснувшись мимо него к выходу

Фред только и успел, что шепнуть мне в самое ухо:

– Удачи.

Я не стала его благодарить, хотя удача мне действительно пригодилась бы. Сердце моё колотилось, как сумасшедшее, пока я кралась по коридору, благодаря всех богов за любовь ректора к коврам, скрадывающим звуки моих шагов. Благодаря этому меня практически не было слышно, зато я прекрасно слышала всё, что происходило в окружающих меня комнатах. И вздрагивала от каждого скрипа и шороха.

В третьей спальне справа кто-то мерил шагами комнату, словно нервничал перед принятием важного решения. Таблички на дверях не было, так что я не могла даже предположить, что случилось – хотя мне и было ужасно интересно. Особенно интересно стала, когда неизвестный выругался, бросив что-то тяжёлое на стол. Я аж подпрыгнула, и не только от неожиданного громкого стука. Ещё я поняла, что на звук могут сбежаться другие преподаватели, или того хуже – мисс Бендикот.

Я должна была её опередить. Эта мысль ещё не успела оформиться во что-то связное, я уже, не заботясь о шуме, пробежала остаток расстояния, отделявшего меня от дамской гостиной, и дёрнула двери. Она была не заперта, и я успела скользнуть внутрь как раз в тот момент, когда из дальнего коридора показалась мисс Бендикот.

– Что это происходит?!

– Мы не знаем, – первой ответила Бекки.

– Это из-за двери, – поддакнула я, вклиниваясь в разговор прежде, чем кто-то из девочек успеет первой меня заметить. – Я хотела...

– Оставьте это мне, – мисс Бендикот почти бесцеремонно отодвинула меня внутрь комнаты, а сама вышла в коридор.

К счастью девочек, дверь осталась приоткрытой, и у нас появилась возможность подслушать. К сожалению, разговор был не очень интересным.

– Кто-нибудь знает, что случилось? – услышали мы строгий голос мисс Бендикот. – Этот ужасный шум напугал моих девочек.

Я оглянулась: напуганной не выглядела ни одна из нас. Но нашей наставнице нельзя было отказать в находчивости – сказав, что защищает интересы студенток, она заявила своё право на правду, не показавшись любопытствующей сплетницей. Надо бы взять на заметку.

– Мне показалось, звук был из комнаты Мода, – откликнулся кто-то.

– Это декан, – негромко пояснила оказавшаяся рядом Бекки, и её голос почти заглушили обеспокоенные слова мисс Бендикот:

– Профессор Мод, с вами всё в порядке? Профессор Мод?

Кажется, ей никто не ответил. Послышались какие-то шорохи, шаги – мы дёрнулись было вглубь комнаты, но они затихли, так к нам и не подобравшись. Похоже, вокруг комнаты профессора Мода собиралось всё больше людей. Интересно, почему он не открывал?

Моя фантазия живо подкинула картинку: вот декан вздрагивает от стука в дверь; вот затихает, надеясь, что его оставят в покое; вот понимает – так просто никто не уйдёт, и начинает прятать вещи, его компрометирующие. Мог ли профессор заниматься чем-то противозаконным? Мог ли разозлиться из-за неудавшейся аферы? Может, брал взятки со студентов за хорошие оценки, потребовал больше, получил отказ, разозлился?..

– Профессор Мод?! – на этот раз звучал другой голос, молодой и мужской. – Вам нужна помощь?

На этот раз дверь распахнулась. Я пожалела, что не могу подглядеть в щель, как выглядит декан: взволнован ли он, взлохмачен, растерян, расстроен. Я не могла даже вспомнить его внешность. Если деканом был кто-то из двух мужчин, сидевших за обеденным столом по левую и правую руку ректора, то это с равным успехом мог быть старик лет за пятьдесят и тот мужчина средних лет, который показался мне холодным и скупым на эмоции.

– Боже, какой ажиотаж, – слова были произнесены лениво, расслабленно и чуть свысока. – Уже нельзя проявить малейшую неуклюжесть, не привлекая к себе излишнего внимания. Я уронил книгу и сам немного ушибся. Я удовлетворил ваше любопытство?

Деканом оказался второй, молодой.

– Любопытство здесь не при чём, – осадила его мисс Бендикот. – Мы услышали странный шум и хотели узнать, не случилось ли чего-то... неприятного. Рада, что с вами всё в порядке, но не могли бы вы впредь быть осторожнее и не тревожить наших студенток?

– Ни в коей мере не хотел взволновать столь чувствительных созданий.

Иронией от него разило за версту.

– Благодарю, – я так и видела, как мисс Бендикот сдержанно кивнула.

– А теперь прошу меня простить. Мне выпала минутка свободного времени, и я всё же желаю воспользоваться ей по своему разумению. Мисс Бендикот, господа.

Дверь закрылась, и девочки волной отхлынули обратно в гостиную. Джози и Ника опустились в кресла у окна, где до этого, похоже, разбирали домашнее задание. Мэриан, не прощаясь, отправилась в свою комнату. Бекки подошла к камину, поворошила тлеющие внутри угли. Эмили же упала на диван, занимая практически всё пространство, и потянулась к книге – я с приятным удивлением заметила, что в её руках оказался томик о Шерлоке Холмсе. Не зная, куда себя приткнуть, я направилась к ней:

– Тоже любишь детективные истории?

– Ага, – протянула она, не отвлекаясь от строк.

– Моя мама считает их ерундой, – я не отстала.

Мне нужно было остаться в гостиной и отвести от себя возможные подозрения мисс Бендикот, когда та вернётся. Если я буду просто сидеть без дела, то начну волноваться и чем-нибудь выдам себя.

– Сочувствую, – Эмили не разделяла моего желания продолжать беседу. Или так только казалось? – Последний год я жила с тётей, а она более открыта всему новому. Да что там: даже родители были не против романов. Мы хорошо понимали друг друга, до тех пор, пока отец не узнал про мои убеждения. Сначала он говорил, что мой увлечение суфражистскими идеями – ерунда, и обязательно пройдёт. А когда не прошло...

Она взмахнула рукой: мол, ты и так знаешь.

– Почему эти идеи тебе так близки? – мне неловко было задавать этот вопрос, но ведь Эмили сама начала откровенничать...

Ответила она невпопад:

– Ты читала Уилки Коллинза?

Я покачала головой.

– Я дам тебе «Женщину в белом». Думаю, так ты лучше меня поймёшь.

– Эта книга о суфражизме?

– Не совсем. Это детективная история о богатой наследнице, вокруг которой творится слишком много подозрительных вещей. Если ты любишь работы Конан Дойла, тебе может понравиться.

– Люблю, – моих губ коснулась улыбка. – Я прочитала их все по нескольку раз, но больше всех люблю первую. Джефферсон Хоуп такой...

Я не договорила: странно было признаваться в том, что в «Этюде в багровых тонах» оказалась очарована не героем, а злодеем. Но он ведь делал всё, что он делал, исключительно из-за несчастной любви!..

– Хотя расследования преступлений меня, конечно, тоже привлекают, – сменила я направление рассуждений. – Хотела бы я быть... не знаю, хозяйкой квартиры, где живёт Шерлок Холмс. Или, может, даже его помощницей!

– Я хотела бы быть Шерлоком Холмсом.

От изумления я замолчала. Идея Эмили для меня прозвучала как нечто странное, даже кощунственное – женщина никак не могла быть детективом! Полиция её бы не приняла, а пытаться расследовать что-то самостоятельно было бы слишком опасно!

– Интересное заявление, мисс Стонтон, – за разговором мы не заметили, как вошла мисс Бендикот. – Хотя я не считаю, что уважающая себя леди может работать *шницейкой*.

Эмили шумно втянула воздух, но спорить не стала. Она заговорила вновь, лишь когда наставница, кивнув всем, прошла в свою комнату, и мы услышали, как затворилась дверь за её спиной.

– *Женщина* может работать кем угодно, – произнесла Эмили, ни к кому толком не обращаясь.

– Даже извозчиком? – Бекки вклинилась в разговор, опускаясь на диванчик рядом со мной. – Управлять лошадьми, трудиться с утра до ночи, возить незнамо кого...

– Даже извозчиком, – перебила её Эмили. – Я бы, например, с большим спокойствием воспользовалась услугами извозчика, если бы то была женщина. А ты разве нет?

Бекки бросила на неё полный любопытства взгляд.

– Я не вижу угрозу на каждом шагу, – проговорила она. – Но да, с женщиной-извозчиком пассажирки чувствовали бы большую безопасность.

Интересно, подумала я, а по теории Эмили женщины разве не могут с тем же успехом оказаться убийцами? Почему-то мы привыкли думать, что леди на это не способны, но если уж говорить о равноправии – то и в этом аспекте тоже.

– О чём задумалась? – от Бекки не укрылось, что я витаю в облаках.

– О том, что это несправедливо: опасаться только мужчин, – решив, что в моей теории нет ничего предосудительного, я открылась. – Если женщины могут раскрывать преступления, то могут их и совершать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.